

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ШТОРМОВЫЕ ДЖУНГЛИ

Annotation

Далекое будущее...

Крутятся жернова большой политики в Сверхимперии. Спецслужбы борются с мятежниками, плетут хитрые интриги, наживкой в одной из которых должно стать подразделение «одноразовых» агентов, используемых вслепую. И Томас Брейн, варвар из малоизвестных краев, — лучший кандидат для такой работы. Ему обещают полную легализацию в Сверхимперии, если он возглавит группу, которая пройдет через штормовые джунгли на далекой планете и доставит до места важную персону. Все очень скрытно и секретно, но информацию о маршруте группы-наживки тотчас «сливают» врагу...

Алекс Орлов

Штормовые джунгли

Разработка серии Е. Савченко

Серия основана в 2005 году

© Орлов А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

В это время дня в фудхаусе было много покупателей. Все спешили купить еду или пластификаторы для ее приготовления дома — в мейдерах. К каждому терминалу выстраивались очереди, и Брейн встал в одну из таких.

Стоять плотно здесь считалось неприличным — следовало выдерживать интервал в пределах одного метра. Здешние жители старались держаться подальше друг от друга, и только родственники могли касаться их при посторонних. Прикосновение же, даже случайное, в турбороллесе, например, который стартовал с немалыми перегрузками, считалось чем-то из ряда вон выходящим, и, когда такое случалось, все «пострадавшие» немедленно начинали извиняться друг перед другом, независимо от того, по чьей вине это случилось.

Как-то раз Брейн с разрешения своего куратора прокатился на такой штуке — вагончике внутри прозрачной трубы. Это было что-то! Чуть руки не поотрывало. А местные ничего — пользовались таким транспортом и не жаловались.

Зато открыто рассматривать кого-то здесь не возбранялось. Брейн постоянно испытывал это на себе — он привлекал внимание и мужчин, и женщин.

Часто редкие прохожие на здешних улицах подолгу останавливали на нем взгляд, а потом спрашивали:

— А вы откуда приехали?

И это считалось вежливой формой. В первый раз Брейн не знал, что и сказать, когда к нему на третий день пребывания в городе обратился с таким вопросом пожилой супер с обвисшими мышцами.

— Издалека, — ответил Брейн.

— Ты выглядишь как недоразвитый, — так же просто сказал прохожий.

— Спасибо, — ответил Брейн и пошел своей дорогой, но позже у куратора выяснил, что под недоразвитостью подразумевалось миниатюрное по сравнению с суперколверами телосложение.

— При том что все остальные пропорции у тебя в порядке, твоя subtilность вызывает у всех вопросы, — пояснил Росс, куратор Брейна.

Брейн понимал, о чем речь — гоберли, канзасы, ронверды имели свои, давно утвержденные позиции в здешнем обществе, они казались обычными, а он привлекал внимание именно своей похожестью на суперколверов.

Подошла очередь Брейна, и он оказался перед терминалом. Можно было взять пластику — это было дешевле, однако за него платила казна, поэтому он брал формованную и ароматизированную еду, и она готовилась прямо на его глазах — за прозрачной стенкой вакууматора.

Кремовая основа выдавливалась из фасонного отверстия заказанной Брейном формы, затем хлопок, и жидкая паста кристаллизовалась под действием термоакустического удара, и получался некий плод овощной культуры — не слишком здесь популярной.

После приобретения формы еда при помощи пакета форсунок приобретала зеленый цвет, из-за которого Брейн ее и брал — это напоминало ему о привычных овощах из дорогих магазинов на его родине.

Затем добавлялось немного ароматизатора, пищевого лака — для характерного блеска, и

через мгновение продукт выпадал в лоток в прозрачной упаковке.

«Прямо с грядки», — как пошутил однажды Брейн.

Так выполнялся весь его заказ, кроме воды — ее приходилось брать отдельно, поскольку это был товар дорогой и не слишком распространенный.

Брейна здесь уже знали. Улыбчивый гоберли Ингас накачивал в баллон пять литров воды и, отдавая покупателю, смотрел на него с долей восхищения и удивления.

— А вы сами не употребляете воду? — спросил Брейн как-то, чтобы выяснить такую странную реакцию продавца воды.

— Что вы, сэр, мне это не нужно, — засмутился тот.

— Ну, может быть, вам любопытно — какова она на вкус?

— Нет, наш начальник уже давал нам пробовать воду — чтобы унять любопытство.

— И как вам?

— Ничего особенного. Я, честно говоря, полагал, что будет интереснее.

— А много продаете в день?

— Не особо. Но в начале недели часто бывают лабораторные закупки.

— Лабораторные?

— Да. Воду берут для разных там исследований, тут — в метрополии, полно всяких исследовательских контор. Иногда даже целый бункер могут взять, но это через большой шпугер, прямо со двора заправляют.

Возвращаясь домой с покупками, Брейн по привычке продолжал проверяться, используя любую отражающую поверхность. Витрин здесь не было, но для этого годились отполированные плитки, которыми отделывали здания. И всякий раз, глядя в них, Брейн не переставал удивляться своему внешнему виду — чуть мешковатым штанам и куртке, хотя все вокруг были одеты примерно так же. И мужчины, и женщины. Пожалуй, женщины — чуть аккуратнее, их штаны и куртки выглядели более подогнанными по фигуре, при том что ростом и статью женщины суперколверов своим мужчинам почти не уступали.

Что касалось причесок, мужчины предпочитали предельно короткие волосы, женщины — чуть длиннее, но не более. Красить волосы здесь либо было не принято, либо, напротив, делалось это так качественно, что определить это на глаз не было возможности.

А может, даже были специальные таблетки. А почему нет? Скушал такую, и цвет поменялся.

Свои покупки, а их набиралось немало, особенно учитывая пятилитровый баллон с водой, Брейн тащил около километра в руках — специально, чтобы давать себе какие-то нагрузки. Местные пользовались тележками, такими умными машинками на колесиках, которые катились вслед за покупателем, только что покинувшем магазин.

По прикидкам Брейна, в тележку можно было сложить содержимое большого рюкзака, но не туристического, конечно, а поменьше.

Если покупок набиралось больше, можно было взять две тележки, и они катились одна за другой — паровозиком. Тележки неотступно следовали за клиентом в лифт и из лифта, но в квартиру не закатывались, останавливаясь на пороге.

В магазине тележки привязывались к новому клиенту, как только он брался за ручку, чтобы катить их между рядов с товарами. Каким-то образом они запоминали клиента и никогда не сбивались и не пытались бежать за кем-то другим. Но вот что поначалу очень интересовало Брейна, так это почему он никогда не видел, как тележки возвращаются обратно. Он полагал, что это будет занятная картина — магазинная тележка катится одна, старательно объезжая прохожих.

Но не видел — не попадались ему возвращавшиеся в магазин тележки. Брейн уже подумывал взять однажды такую тележку для услуг, чтобы потом проследить за ней, но как-то вечером вышел на узкий балкончик, который был прилеплен к его квартирке, и вдруг посреди тихого шелеста улиц засыпающего города услышал удар гонга — не очень громкий. Тротуары вдруг осветились ярче, чем того требовалось, и по ним побежали одинокие тележки — каждая к своему магазину.

Сверху это выглядело потрясающе и происходило всего несколько минут. За это время тележки успели добраться до своих магазинных парковок, освещение тротуаров снова сократилось до минимально необходимого, а Брейн еще долго стоял на балконе, пораженный этой в общем-то обычной для здешних мест картиной.

После этого представления Брейну не спалось, и он полтора часа делал зарядку, пока не взмок, а потом принял душ из водозаменителя.

Похоже, он к этой штуке даже начал привыкать. Ну, как привыкать? Просто удобно — и помылся, и вроде сухой.

Утром, часов в шесть, пришел Росс. Брейн услышал его шаги во сне и к появлению куратора был готов.

Росс открыл дверь своим ключом и, войдя, застал подопечного одетым.

Не говоря ни слова, он прошел на балкон и, постояв там с минуту, глядя на город в предутренней дымке, вернулся и сказал:

— Никак не могу застать тебя врасплох, Томас. У тебя что, какое-то особое чутье?

— Видимо, так, — пожал плечами Брейн.

— Видимо, так, — повторил Росс и ушел.

Брейн сел на кровать, поправил подушку. Она была как настоящая — он сам сделал ее из кусочков вспененного пластика. Та, что ему прислали, ни на что не годилась.

Поднявшись, он тоже вышел на балкон, пытаюсь угадать, о чем, стоя здесь, думал куратор.

Ничего особенного, легкая сиреневая дымка над самыми крышами. В родных краях это

считалось признаком плохой экологии, но Росс сказал, что это чего-то-там кристаллы и в грязном воздухе они не образуются.

Кстати, о воздухе. Брейн почти привык к этому запаху подгоревшего молока. Утром он его совсем не чувствовал и лишь иногда, выходя из магазина, где поддерживалась в какой-то мере собственная атмосфера, на мгновение вновь ощущал этот запах.

И еще о воде. Всю необходимую воду здешние жители получали из пищи, но они также пили и воду, но лишь в медицинских целях — прямо из ложечки.

Чистая вода в количестве около пол-литра, принятая внутрь, вызывала расстройство здоровья даже у суперколверов. А мусс — пожалуйста. Однако здешний мусс был совсем не тем, что давали в тюрьме. Там это была получищенная жижа, а здесь он готовился из выжимок, разного рода бактериологических сред, искусственных соков, минеральных добавок.

По виду получалась та же муть, но не столь противная, как в тюрьме. Для себя Брейн решил, что мусс — это что-то вроде бульона. Скажем, грибного с некоторой добавкой вазелина и мыла. Да, хорошего натурального мыла из бутиков здоровья.

— Давненько не брал я в руки шашек, — произнес Брейн, и это означало, что он пытается разобраться в поведении Росса.

С одной стороны, такое поведение куратора могло являться методом тестирования — а ну как Брейн забьется в истерику и начнет требовать объяснить ему, что все это значит. С другой — это хороший способ давления и поддержания агента в напряжении — неожиданное появление и столь же внезапный уход без всяких объяснений.

Вернувшись в комнату, Брейн постоял еще немного, а затем, сделав прыжок — встал на руки, чтобы, сделав прыжок на руках, снова оказаться на ногах. И снова — прыжок и стойка на руках, и обратно — на ноги. И так триста раз. Брейн не знал, что его ожидает, поэтому старался поддерживать форму.

На мостике было тихо. Вахта подходила к концу, и сабкапитан Локкер уже почти дремал под тихие звуки, издаваемые ситуационными мониторами.

Справа, в дальнем углу, сидел в своем кресле сабштурман. Вот кому не повезло с вахтой — ударная группа двигалась по так называемому Каменному каньону — участку космоса, где по непонятным причинам постоянно менялись азимутальные координаты, а потому навигация должна была опираться на известные метки и сферические координаты одновременно, поскольку оба эти способа ориентации по отдельности здесь были неточны.

Оставались еще квантовые гироскопы, однако они были слишком уж точны и математически абсолютны и не учитывали реального изменения обстановки, например — дрейфа планет и даже звездных скоплений.

Разумеется, все эти проблемы и особенности были описаны в архивных приложениях навигационных программ, на исполнение которых в суперсерверах тратилось два процента тяги двигателей, однако за всем этим хозяйством следовало приглядывать, и сабштурман Шинкер с помощником-саблейтенантом во все глаза пялились на полдюжины экранов — одним словом, им было не позавидовать.

Слева от сабкапитана находился майор Свифт. Он отвечал за безопасную связь с другими кораблями. Ему сегодня было определено скучно, потому что группа кораблей находилась в очень далеком районе и связи с ней никто не поддерживал.

Сабкапитан Локкер уже подумал, что вахта закончится без приключений, однако не успел он об этом подумать, как майор Свифт встрепенулся, услышав позывной ДСС — дальней скоростной связи.

— Сэр, у нас срочное сообщение! Категория «плюс-плюс»!

— Хорошо, давайте сюда, — кивнул сабкапитан, едва удерживаясь, чтобы не потянуться в удобном кресле.

На центральном мониторе открылось окно с заставкой Главного Управления Связи Флота и крохотная таблица с надписью, требовавшей внести личные идентификационные данные.

Сабкапитан все еще надеялся, что удастся отдежурить без приключений, и просто приложил палец — такой способ тоже позволялся и был вполне достаточен.

Идентификатор погас, и по экрану зазмеилась диаграмма голосовой передачи. Из-за слишком большого расстояния лица говорящего видно не было — пришло лишь голосовое сообщение.

— С вами говорит дежурный Главного Управления Флота, — пророкотал смодулированный компьютером голос, восстановленный из нечетких сигналов, пронесшихся сквозь гигантские расстояния. — Кто на приеме?

— На приеме сабкапитан Локкер.

— Сабкапитан Локкер, сообщаю вам, что сорок семь часов назад в районе «Аттика восемнадцать двадцать четыре» был атакован конвой. Атака была произведена двумя кораблями — малым огневой поддержки и скорее всего крейсером — точнее определить не удалось, огонь велся с предельных дистанций. Был нанесен серьезный ущерб как судам конвоя, так и сопровождавшему охранению. После передачи общей тревоги по району «Аттика» на поиск ушедшего от конвоя вражеского соединения были посланы две ударные

группы патрульных сил, находившиеся неподалеку. Однако после двадцатичасового поиска им не удалось никого ни перехватить, ни даже обнаружить.

Очередное появление противника в том же составе — малого корабля огневой поддержки и крейсера было замечено в районе звездных близнецов — Тройцер-Ман. Патрульная группа генерала Сквоттера послала запрос, но в ответ была атакована дальним залпом. Некоторые его корабли получили повреждения, а вражеское соединение стало отходить, активно маневрируя в массовом и электромагнитном диапазоне внешних проявлений. Тем не менее, используя скоростные характеристики своих патрульных эсминцев, группе генерала Сквоттера удалось отрезать вражескому соединению выход в район «Коннервард двадцать двадцать», и противник был вынужден пройти через зону контроля артиллерийской станции «Булпап восемнадцать», стоящей на астероидном поясе гиганта Юниверс. Противник был обстрелян с неизвестными последствиями, так как зафиксировать вспышки не удалось из-за активного противодействия маскировочных средств вражеских кораблей.

Вы понимаете, к чему я клоню, сабкапитан Локкер? — спросил дежурный Главного Управления Флота, внезапно переходя на более доверительные интонации, в то время как до этого чеканил суконные фразы из писаного и переписанного казенного донесения.

— Так точно, сэр, господин дежурный по Управлению. Судя по всему, он появится в районе «горловины Ридж» каньона, по которому мы движемся.

— Вот именно, сабкапитан, но встретить их вы можете не в каньоне — они не полезут в такое место, где трудно маневрировать: маневр — их главное преимущество. Нам удалось перехватить некоторые из их трассограмм, и что-то кодировщики сумели даже разобрать. Похоже, противник готовится совершить «прыжок к красному карлику», а за пределами каньона имеются подходящие для прыжка аномалии.

— Вы имеете в виду окрестности Цирона, сэр?

— Вот именно.

— Но тогда нам придется проходить стену каньона... — напомнил слегка озадаченный Локкер.

— Я понимаю, что это не так просто при том количестве кораблей, которые у вас имеются. Но уверен, что вам удастся обойтись без серьезных потрясений — командный состав у вас опытный. Ну и другого мы вам предложить не можем — вы единственная ударная группа, обладающая достаточной мощностью и технологической новизной. К сожалению, не все наши силы укомплектованы новыми кораблями. К тому же...

Дежурный сделал паузу.

— К тому же с очень высокой долей вероятности это «Алуэтт».

— «Алуэтт»? — переспросил Локкер и даже привстал и посмотрел на управляющего связью майора, который также слышал каждое слово и на его лице также отразилось потрясение от услышанной новости.

— Да, скорее всего это «Алуэтт».

— Я немедленно доложу об этом командующему группы.

— Разумеется, сабкапитан. На ваш навигационный пост уже отправлен завизированный приказ, а также вся навигационная обстановка для прохода сквозь стену каньона. И надеюсь, что вам повезет, мы уже половину периода ловим «Алуэтт».

— Да, я понял, сэр.

— Ну, удачи.

— До связи.

«Алуэтт» был первым действующим экземпляром крейсера нового поколения, произведенным государственным подрядчиком. Работа над этой моделью велась более двадцати лет. Не все получалось сразу, не все дерзкие задумки удавалось реализовать достаточно быстро, но когда работа наконец была закончена, конструкторы были удостоены высоких наград Империи, и, казалось что за судьбу военного флота на ближайшие периоды можно быть спокойными, однако случилось непредвиденное — после артиллерийских и ракетных стрельб, завершенных на оценку «хорошо», команда исследователей, техников и инженеров вдруг взбунтовалась, перебила немногочисленных представителей служб безопасности и увела корабль к мятежникам.

Это стало полным шоком для всех, кто был причастен к производству, и в особенности тех, кто отвечал за режим безопасности на предприятиях главного имперского подрядчика.

Дальнейшее расследование показало, что на протяжении долгих лет мятежники вели тончайшую работу по вербовке персонала, пуская в ход подкуп, шантаж, прямые угрозы, и методично выводили из состава групп исследовательских и испытательных подразделений верных Империи работников.

Так, постепенно им удалось создать мятежное ядро, которое совершило переворот и похитило корабль.

И хотя в работе новейшего крейсера оставались еще какие-то недоделки и шероховатости, мятежники, опираясь на собственные силы, сумели довести испытания до конца, устранили недоделки и запустили крейсер в эксплуатацию.

При их достаточно скудных производственных мощностях начать производство таких высокотехнологичных кораблей они не могли, однако эксплуатацию вполне осилили, и теперь «Алуэтт», опираясь на свои почти феноменальные возможности, появлялся то тут, то там. Крушил плохо охраняемые посты и стационарные форты артиллерийского контроля.

Все чаще под удар попадали конвои, доставлявшие в далекие колонии военно-техническую оснастку для гарнизонов, а также чрезвычайно необходимые на периферии коммерческие грузы из Метрополии, которая нуждалась в коммерческом взаимодействии с многочисленными колониями, дабы там поддерживался достаточный уровень жизни.

В противном случае колонии начинали смотреть в сторону других государственных образований, пусть еще и не империй, но претендовавших на контроль над менее развитыми, но не обделенными природными богатствами регионами космоса.

В скором времени на региональное лидерство могли претендовать Мангровия и Эннбранс, которые развивались очень быстро и в качестве корневых рас имели родственные суперколверам народы, а по некоторым данным, даже поддерживали связи с рептилоидами из Синих Миров.

Если еще пять-шесть периодов назад они представляли собой просто «племена дикарей, вооруженных палками», как презрительно отзывались о них суперколверы в Империи, теперь, неожиданно для всех, они вдруг оказались на достаточно приличном уровне развития. Их энергетика и промышленность показывали небывалый рост, они успевали где-то украсть, а где-то купить современные технические и военные образцы Империи, а затем клепали усовершенствованные копии, которые подчас выглядели даже лучше, чем оригиналы.

Одним словом, дремать Империи теперь не приходилось, и, помимо идеологической борьбы с новыми нарождающимися лидерами, Метрополии приходилось вести с ними непримиримую, но пока не объявленную войну.

Понимая, что против Империи они еще достаточно слабы, Мангровия и Эннбранс прилагали немало усилий для ведения подрывной деятельности внутри огромных владений Империи, тот тут, тот там разжигая огонь бунта и недовольства.

В ход шли любые провокации, вплоть до открытых бомбардировок и обстрелов под видом карательных войск Империи и раздувания этих провокаций на подготовленных пропагандистских площадках.

И это часто срабатывало, поднимая волну восстаний против «коварной и жестокой Империи».

«Грумвирт» была одной из самых мощных и подготовленных организаций мятежников. Она возникла самостоятельно — без помощи внешних врагов Империи и распространила свое влияние на огромном пространстве, замещая некогда великую цивилизацию, которая исчезла, оставив лишь отдельные культурные следы и остатки некогда значительных структурных проектов — каналов, водохранилищ, плотин. А также величественных строений, выполненных из неизвестных материалов и стоявших многие века без каких бы то ни было признаков разрушения.

Во времена расцвета этой бывшей империи населявшие ее народы не слишком ее любили, однако теперь, спустя много времени, именно имевшаяся некогда культурная близость разрозненных народов и миров позволила им найти точки соприкосновения и начать объединяться в нечто общее, теперь уже против другой — новой Империи.

«Грумвирт» сумела возглавить и направить это недовольство, развязав войну против экспедиционных войск и гарнизонов Империи.

«Грумвирт» не располагала промышленными мощностями и нужными военными технологиями, поэтому шла по пути реквизиции коммерческих судов с последующим их переоборудованием.

Их обвешивали броней — какой придется, добавляли туннельных или простых кинетических пушек и отправляли эти единицы в бой.

Поначалу это ни к чему не приводило, профессиональные и хорошо подготовленные силы Имперского Флота разносили эти нагромождения, словно на учебных стрельбах. Но с течением времени мятежники начинали действовать более изощренно. Их технологический уровень повышался, и теперь переоборудованные коммерческие суда выглядели не такими бессмысленными уродцами, как прежде.

Мятежники наладили поставки ячеистой брони, для оснащения судов стали применять только туннельные орудия, чтобы иметь пусть меньше стволов, но более эффективных.

Всего пара таких пушек на переделанном сухогрузе могла нанести серьезный ущерб даже флагману флота, если имелась возможность удачно подстеречь его в засаде, в то время как кинетические пушки не годились ни на что, кроме как разбивать беззащитные навигационные буи.

Контрабандные поставки из Мангровии и Эннбранса давали возможность оснащать переоборудованные суда приличным оборудованием для противодействия прицельным системам, а там, где мятежники не могли противопоставить флоту энергетическую эффективность, поскольку использовали устаревшие двигательные установки, они опирались на развитую сеть «бензоколонок». И там, где корабли флота были вынуждены экономить топливо, ограничивая себя в рейдах и даже маневрах, мятежники ни в чем себе не отказывали, зная, что всегда смогут найти заправочный пункт — стационарный или вызванный по радио автоматический танкер.

Но даже если флоту удавалось захватывать запасы топлива мятежников, они его уничтожали, поскольку низкокачественный реактол не шел ни в какое сравнение с очищенным ликвидумом.

— А ты, сабкапитан, думал, я сплю, что ли? — строго спросил генерал Рендлау, командовавший всей ударной группой.

— Нет, сэр, я даже не думал, — ответил сабкапитан Локкер, хотя предполагал, что генерал нежится в постели, в то время как он тут всю вахту просидел в кресле.

— Слушай мою команду, сабкапитан. Сыграть тревогу второго уровня, приготовиться к левому развороту — будем уходить в стену, как велит начальство.

— Господин генерал...

— Ладно, я знаю, чем это может нам грозить, но делать нечего — ты же понимаешь, что они задумали?

— Так точно, сэр, в Управлении Флота полагают, что за стенами каньона противник не сможет нас вовремя заметить.

— Вот именно. Они надеются, что, выпрыгнув из каньона, мы окажемся неожиданным сюрпризом для мятежников. Так что тебе, сабкапитан, придется продолжить вахту.

— Так точно, сэр. Я все понял.

Всем кораблям ударной группы был передан приказ о предстоящем маневре, и в назначенный момент они начали разворот, двигаясь к стене, сотканной из бесчисленного количества мерцающих огоньков.

Разумеется, преградой это не являлось, каньон состоял из гравитационного статичного поля, поддерживаемого некой неизвестной аномалией и иными малоизученными полями. И в этой сетке взаимодействий находили приют мелкие космические обломки, песок, пыль и массивы «звездного ветра» — представлявшие собой разряженные облака холодной плазмы.

Все это было «телом» каньона. Одни частицы сторали, уносясь прочь, но им на смену прилетали новые, и каньон оставался неизменным.

Проход кораблей через «стены» каньона технически проблемы не представлял, однако опасность была в том, что после прохода через малоизученные поля множество внешних датчиков, с помощью которых корабли «видели», «слышали» и где-то даже «различали запахи», переставали работать либо выдавали искаженную информацию.

После отказов датчиков начинались проблемы на внутренних узлах кораблей — какое-то время после прохода через стену механизмы лихорадило, и это продолжалось до тех пор, пока все паразитные поля не покидали их.

Начался проход. Корабли, один за другим, ныряли в сверкающие пологи, вызывая расходящиеся волнами световые эффекты и активный разлет каких-то искр, временами закручивающихся в подобие протуберанцев.

На постах радиолокационного контроля творились чудеса — с экранов и рабочих блоков соскакивали мутноватые прозрачные субстанции и катались по полу, по стенам, вдруг исчезая и появляясь вновь в других местах.

Персоналу они как будто не вредили, но освещение могло погаснуть, охладительные насосы серверов вдруг теряли обороты, вызывая перегрев и отключения тех или иных систем управления кораблями.

Пожарные команды стояли наготове, в защитных магистралях повышалось давление изолирующей пены — так, на всякий случай.

Спустя несколько минут после перехода основная часть аномальных явлений прекратилась, однако для техников, электриков, инженерно-эксплуатационных служб борьба с неприятными неожиданностями продолжалась еще около трех часов.

Лишь после окончательной сверки отчетов на компьютере корабля-лидера ударная группа была в состоянии начать нормальную боевую работу, то есть поиск.

К удивлению сабкапитана Локкера, навигационные станции, хотя и редкие в этом районе, работали очень четко и выдавали информацию без каких-либо искажений. Теперь ему помогал сабкапитан Арден, который явился на свою вахту, однако Локкер не мог сдать ее, поскольку по уставу был обязан находиться на посту до окончания кризиса.

— Иди, отдыхай, — в который раз предложил Арден. — Я же вижу, что ты устал.

— Да ты с ума сошел! Если генерал узнает... Ты сам знаешь, чем это грозит.

— Я не об этом. Иди вон в загородку, к связистам, у них отличных два топчана получились на контейнерах резервной аппаратуры. Если что — мы тебя позовем.

— Ну... — Локкер заколебался. С формальной стороны — это был уход с мостика, но на самом деле он останется в рубке, к тому же в закутке у связистов действительно хорошие

топчаны получились, он это видел.

— Видел и не пресек, — вздохнул Локкер, поднимаясь с кресла дежурного.

— Чего? — не понял Арден.

— Да это я так. Ладно, пойду на топчан.

Включилась связь от генерала Рендлау:

— Эй, там, на центральном мостике!

— Сабкапитан Арден, сэр!

— А Локкер где?

— Отошел по нужде, сэр.

— Понятно, — проворчал генерал, который и сам когда-то ходил на вахты, а если не было смены — торчал на мостике сутками.

— Ладно, Арден, слушай сюда — сейчас выдвигаемся флангами, как по схеме «бабочка», только крылья покороче.

— Понял, сэр. А чем выдвигаться будем?

— Гони вперед локаторщиков. Будем сканировать совместным фокусом — нам сейчас очень нужна дальность локаторов. А тем временем приведите в предварительную готовность артиллеристов, чтобы в случае необходимости залп был еще, как говорится, до окончания зачитки приказа.

— Понимаю, сэр.

— На этом пока все. Если что — не стесняйтесь беспокоить.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Арден и, когда связь отключилась, оглянулся, а затем, вызывая удивление других офицеров на мостике, прошел к выходу и даже сунулся на трап. И лишь затем вернулся на место.

Случалось, генерал Рендлау создавал видимость, что сидит в каюте, дескать, пью глинт и дремлю, а на самом деле в выглаженном мундире уже сбегал по трапу, чтобы неожиданно появиться на мостике и застать всех врасплох.

Тем более что каюта командующего группой находилась всего на один ярус выше, в так называемой гражданской палубе, поскольку там не было никаких важных узлов и систем.

Один раз Арден уже попался на внезапную проверку генерала, и больше ему этого не хотелось.

Исполняя приказ командующего, с флангов стали выдвигаться по два локаторщика с каждой стороны. Наложение их локационных фронтов позволяло вскрывать объекты, замаскированные полевыми оболочками.

Но не успели эти корабли включить излучатели на полную мощность, как с них пришло сообщение об обнаружении двух целей, шедших на небольшой скорости для соблюдения режима максимальной скрытности.

— Сэр, разрешите послать запрос «свой-чужой»? — спросил офицер, командовавший группой кораблей радиолокационной разведки.

— Ни в коем случае! Ваше дело только наблюдение. Запрос поступит от лидера группы! — ответил дежурный.

Прибежал заспанный Локкер.

— Что тут у вас?

— Мы их засекли!

— И что будешь делать?

— Объявлю тревогу по группе с дублированием командующему и затем пошлю требование на идентификацию, — ответил Арден, одновременно набирая нужные комбинации кнопок.

— Но это уже серьезные дела... Война, так ее разэдак. — И Локкер провел по лицу ладонью. Затем встряхнулся и одернул мундир.

— Разумеется, — невозмутимо ответил Арден, подтверждая все команды.

Сигнал тревоги тотчас разлетелся по кораблям, но разрешение на запрос чужакам и последующий залп должен был завизировать генерал, поскольку такие решения шли только через командующего.

— «Алуэтт», — произнес Локкер, глядя в ситуационный экран, где двумя малиновыми точками были обозначены вражеские корабли. — Подумать только, Арден, у него орудия пятьдесят дюймов и массоизмещение под двести тысяч тонн. Даже если его артиллеристы перегреют туннели при залпе, нас разорвет гравитационной волной.

— Не разорвет. Да, тряхнет заметно, но не разорвет. Мы и сами кому хочешь бока поотшибаем. Три крейсера — в сумме триста шестьдесят тонн массоизмещения. Пятьдесят орудий против тридцати пяти у «Алуэтта».

— Но у нас тридцатидюймовки, у него пятидесятки. И накачка генераторов ускоренная.

— А у нас имеются сорокадюймовки, — не сдавался Арден.

— Только на лидере и всего шесть штук.

— Тебе не угодишь, Локкер. Давай, пиши заявление о передаче вахты — все согласно уставу. И пойдешь спать со спокойной совестью.

— Как тут спать, сейчас такой шторм начнется...

— Не важно, пиши, я не хочу тут с тобой путаться на мостике, меня твоя бледная физиономия отвлекает. Никто не узнает, что тебя здесь нет, а если кто и сунется, прикроешь свою корму этим заявлением.

Локкер кивнул и пошел писать заявление, по которому передавал всю ответственность заступившему на дежурство, согласно расписанию, сабкапитану Ардену.

Листок дымчатой пластиковой бумаги лег на пульт перед дежурным, и тот лихо

подписал его тетраграммой, хотя годился даже линейный текст.

В это время на панель пришло сообщение о разрешении генералом запрошенных дежурным действий.

— Ну вот, сейчас все и закрутится, а ты иди отдыхай.

С этими словами дежурный Арден нажатием клавиши послал запрос на опознание «свой-чужой», который был усилен ретрансляторами четырех радиолокационных судов.

Для скрывавшихся под густой маскировкой кораблей противника это было как внезапный удар по жестяной крыше.

Впрочем, враг уже видел флотскую ударную группу и приготовился к бою. Ответом на запрос был тестовый залп из двух десятков пятидесятидюймовых орудий — сразу по трем крейсерам, в надежде получить точные данные по составу брони хотя бы по одному из них.

Еще пять орудий ударили по вспомогательным судам — локаторам и формуляторам-РЭБ, небольшим, но чрезвычайно важным кораблям поддержки крейсеров в бою.

Одни из них поставляли крейсерам полную картину происходящего вокруг, другие — скрывали их от врага и формировали ложные цели.

Те, кто управлял «Алуэттом», явно были не новички, да и глупо было предполагать, что столь совершенным кораблем поставят управлять абы кого.

Командование крейсера не задавалось целью эффектно победить ценой обоюдного обмена ударами, его задачей являлось нанесение силам Империи максимального урона, оставаясь вне досягаемости ответного огня. Поэтому цели выбирались очень тщательно.

За один проход пушек по вспомогательным судам ударная группа потеряла двадцать процентов контроля за полем боя.

Какие-то корабли были уничтожены от сдетонировавших запасов топлива или закороченных энергетических мощностей, другие получили повреждения, которые вывели их из рабочего состояния.

Генерал Рендлау потребовал немедленного ответа, и пушки трех крейсеров огрызнулись ответным огнем. Однако расстояние пока было слишком большим, процесс наведения затруднен потерями среди вспомогательных кораблей, поэтому значительная часть снарядов растаяла в пространстве, а там, где болванки достигли борта «Алуэтта», запеленговать вспышки спектрографами, чтобы получить информацию о составе защитных плит, не удалось.

Второй залп крейсеров оказался более удачным — удалось засечь тестовые вспышки, и теперь в недрах артиллерийских погребов забегали, засуетились химики, технологи и вспомогательные работники. Срочно стали набираться заготовки для новых сердечников, какие-то штамповочными машинками, а какие-то даже вручную.

Серебрилась, золотилась тончайшая фольга из редких сплавов, подчас ядовитых настолько, что работали с ними только в костюмах с двойной гермоизоляцией. Однако даже в таких костюмах сотрудники работали быстро и слаженно, набирая персональные «подарки» для «Алуэтта».

После сборки пакеты отправлялись в печь, через десяток секунд перегружались в кристаллизатор, который катился по направляющим прямо к орудийному казеннику, чтобы еще горячими оказаться досланными в ствол.

А потом — громкое жужжание трансформаторов, рывки будто оживших, перегруженных световодов и металлический лязг, означавший, что снаряд унесся к «заказчику».

Но отдыхать времени не было, уже спускались данные по новой спектрограмме, сборщики бросались к своим наборам ядовитой фольги, и все повторялось.

Крейсера флотской группы вели беглый огонь, новые вспышки давали возможность проводить коррекцию, однако противник находил способы исказить картину тестовых вспышек, отчего химики флотской группы никак не могли подобрать нужный состав, в то время как «Алуэтт» за счет мощности своих орудий имел большой успех, хотя тоже не вполне четко видел свои цели.

Крейсер «Хагипсон» получил опасный срыв броневой панели и был вынужден начать разворот, чтобы скрыть от пушек противника пострадавший борт.

«Эрхардо Инн» потерял локационную надстройку, которую сорвало взрыво-гравитационным ударом.

— Это им еще повезло, — прокомментировал офицер связи на мостике лидера — крейсера «Умбару». — Выйди болванка чисто — потеряли бы все надстройки.

В этот момент и «Умбару» получил чувствительный удар в борт, и сабкапитан Арден на мгновение прикрыл глаза, чтобы скрыть гримасу разочарования. Он намеревался разорвать «Алуэтт» за счет массированного огня, но пока ничего не получалось, а ведь это такой шанс — столкновение с самим «Алуэттом» в его вахту!

Дуэль шла уже второй час, флотская группа потеряла почти половину РЭБ-формуляторов и радиолокационных кораблей. Целиться стало трудно, данные приходили все беднее, а прибавить ходу было нельзя из-за слишком крупного калибра орудий «Алуэтта». На ближних дистанциях из-за лучшего наведения они становились вдвое опаснее.

Дежурный нервничал, молчал и генерал Рендлау, который, похоже, тоже не видел возможности как-то обхитрить врага.

На пост снова прибежал Локкер. Его глаза горели, китель был расстегнут.

— Арден! Нужно бить по вспомогательному кораблю! Это его иждивенец! — выпалил он.

— С чего ты взял? — спросил Арден, сосредоточенный на картине боя. — К тому же мы его почти не видим, а у крейсера хотя бы призрачный силуэт.

— Вот именно, что призрачный! «Алуэтт» — это система! И корабль, который с ним, — это судно-генератор помех, он излучает на свое головное судно, и когда мы получаем отраженные сигналы или данные для спектрограммы, мы видим сильно испорченную информацию — абракадабру. Давай ликвидируем иждивенца, и тогда получим состав брони «Алуэтта».

— Но по нему нужно сделать много выстрелов, приятель... в то время как «Алуэтт» продолжает нас охаживать из своих кувалд. Если мы перестанем отвечать, они оттарируют прицельную аппаратуру и станут стрелять точнее.

— А у нас есть выбор?

— Я не могу взять это на себя — свяжусь с генералом.

Он связался с командующим и вкратце рассказал о новой идее. Генерал дал добро, своих рецептов в данной ситуации у него не было.

Да, сосредоточив сейчас огонь на вспомогательном корабле, они могли и проиграть — то есть получить такой урон, что останется только выводить группу из боя. Но рискнуть стоило.

Через пару минут удалось объединить огневую мощь трех крейсеров, и они ударили по не явно определенной цели.

Настройка стержней была самая разная, выход из туннелей намеренно производился размазанным, чтобы снаряды создавали раскаленные облака плазмы — такой способ был эффективнее при обстреле небольших и не слишком защищенных судов.

Из десятков выстрелов близко сработали только несколько, но этого оказалось достаточно, чтобы вспомогательное судно — генератор маскирующего поля получило пробой в энергетических контурах и аннигилировало, почти целиком перейдя в световую вспышку.

И тотчас на всех приемных устройствах появилась четкая и хорошо прорисованная цель — теперь «Алуэтт» был открыт всем прицельным устройствам.

Последовавший тестовый залп дал полную информацию о составе его брони. А затем ударили сорокадюймовки лидера «Умбару», и стало заметно, как от кормы «Алуэтта» отделилось несколько крупных обломков. Это наблюдение вызвало ликование на мостиках всех кораблей флотской группы, а чуть позднее пришла расшифровка от уцелевшей пары радарных кораблей — на «Алуэтте» взорвался кормовой арсенал, который располагался под вторым энергетическим контуром, и теперь вражеский крейсер должен был потерять ход.

Внезапно с командованием группы снова связалось Главное Управление Флота и внесло изменение в первоначальный приказ об уничтожении опасного «Алуэтта».

— Приказываю немедленно изменить установку приказа — уничтожать «Алуэтт» запрещается, поскольку на его борту находится один из руководителей командования мятежной организации — некто Гран-Робертс, он же — Роллакс. Как поняли, дежурный?

— Я понял вас, сэр.

— Назовитесь! — рявкнул офицер.

— Сабкапитан Арден, сэр! — воскликнул сабкапитан и даже вскочил с кресла, хотя видеоконференции не было.

— Вы должны взять его живьем, сабкапитан!

— Я понял, сэр!

— Какова обстановка?

— Мы ведем бой, сэр. Крейсер мятежников получил повреждения и скорее всего не сможет развить полный ход.

— Прекрасная позиция для абордажной команды, сабкапитан! Не подведите нас, Управление смотрит на вас с надеждой!..

Связь разъединилась, и Арден выразительно посмотрел на майора-связиста, но тот лишь развел руками.

— Я пытался предупредить вас, сэр, но вы руководили боем.

На связь вышел командующий группой.

— Ну что там у вас, Арден? Управление вам все разъяснило?

— Так точно, сэр.

— Что собираетесь делать, учитывая, что «Алуэтт», между прочим, пытается разогнаться?

— Полагаю, его следует обездвижить пушками малых кораблей артиллерийской

поддержки.

— Всех погоните?

— Их всего дюжина, сэр.

— Будут потери...

— Разумеется, будут, сэр, но у нас нет иного выхода — приказ Управления.

— Что у нас с палубной авиацией?

— У нас ее нет... Ах да, сэр, прошу прощения, двадцать штурмовиков «сабинвар» — вот у меня отображается их полная готовность.

— Вот и хорошо. А то эти, на «Алуэтте», — тертые калачи. От них можно ждать чего угодно. Ну хорошо, действуйте, пока что вы все делаете правильно.

Вскоре малые суда артиллерийской поддержки, словно стая гончих, выскочили из-за высоких силуэтов крейсеров и рванули в погоню за подбитым «Алуэттом».

В их задачу входило максимально приблизиться к противнику и расстрелять из двадцатидюймовых орудий заправочные боксы и по возможности — тяговые дюзы крейсера, чтобы он окончательно потерял ход и был доступен десантным транспортам абордажных команд.

Корабли артиллерийской поддержки легко прошли первую «красную черту», где их мог встретить огнем мятежный крейсер, однако он не использовал этот шанс, потому что повреждения на нем были довольно серьезны.

И возможно, ему бы удалось выскользнуть из крепких лап ударной группировки, если бы не досадные повреждения, полученные во время предыдущей стычки, когда его загоняла другая ударная группа, уходя от которой он внезапно попал в сектор обстрела стационарного поста, пушки которого, пусть и не слишком мощные, работали с безупречной четкостью, вгоня каждую болванку в точно определенное место.

В конце концов, используя маскировку на полную тягу, «Алуэтту» удалось соскочить с прицелов привязчивого артпоста, однако позже снаряд попал в одну воронку дважды, и пущенные почти наугад снаряды лидера «Умбару» легли ровно в то место, куда всадил свои снаряды одинокий артпост.

Теперь, когда ход был потерян, крейсеру оставалось только маневрировать, но неожиданно огонь с сопровождавших его флотских кораблей прекратился.

Командование «Алуэтта» терялось в догадках, пока на их экранах не появилась дюжина легких загонщиков. Теперь все сомнения отпали — «Алуэтт» готовили к штурму.

Всего дюжина кораблей с массоизмещением по пять тысяч тонн и четырем двадцатидюймовыми пушками на каждом не были чем-то опасным для почти двухсоттысячетонной громадины, однако они были весьма скорострельны и маневренны. У них имелась хорошая прицельная аппаратура, отличные маскировочные функции и комплексы контрприцеливания. Стоило начать наводить на такой корабль орудие, как он включал рулевые дюзы и совершал скачок влево, вправо, вверх, вниз.

Случалось, такое происходило во время залпа, и болванки приходили в пустое место.

Нешадно форсируя разгонные режимы двигателей, корабли артиллерийской поддержки стремительно нагоняли отяжелевший «Алуэтт».

Они на ходу вели огонь сигнальными снарядами, которые не наносили ущерба, но отвлекали и перегружали следящую аппаратуру, вызывая замедление работ серверов бортового компьютера и как следствие — усложняя наведения орудий крейсера.

Несмотря на малое массоизмещение, эти корабли смело сокращали дистанцию, чтобы добраться до самых уязвимых мест крейсера.

Понимая, что других средств уже не осталось, командование «Алуэтта» подняло палубную авиацию — пятьдесят универсальных, ударно-штурмовых перехватчиков «хоккер сто девятнадцать».

Машины выскочили со своей палубы и понеслись навстречу имперским судам артиллерийской поддержки.

Однако генерал Рендлау, командовавший ударной группой, предвидел этот ход, и, хотя

на трех его устаревших крейсерах не было предусмотрено авиационных палуб, он хранил тяжелые штурмовики на подвесках двух судов тылового обеспечения.

Эти двадцать штурмовиков были не просто предыдущего, а предпредыдущего поколения. Они не могли постоянно держаться рядом с кораблями, чтобы ускориться, если поступит команда, а вспомогательные суда не имели подходящих палуб, где бы эти машины можно было заправлять и перезаряжать. Поэтому штурмовики были практически одноразовым оружием, но как бы ни наседали финансисты, пытавшиеся напомнить, что в последних двадцати рейдах эти машины ни разу не применялись, генерал стоял на своем, и двадцать «сабинваров», работавших на давно не производимом топливе, были постоянно готовы к вылету.

И теперь настал тот момент, когда их следовало применить.

Пилоты находились в кабинах с того момента, когда была объявлена тревога, поэтому штурмовики соскочили со стапелей, как только получили приказ, и, разгоняя непрогретые двигатели, обозначали себя вспышками вылетающего из дюз недожженного топлива.

Скоро двадцатка уже исчезла за космическим горизонтом и была заметна только на экранах радиолокационных постов.

Однако еще до подхода штурмовиков истребители с борта «Алуэтта» успели войти в соприкосновение с передовыми кораблями артиллерийской поддержки флота.

Все пространство заполнили трассеры зенитных пушек, которые, казалось, простреливали каждый дюйм. Вместе с тем авиация мятежного крейсера не открывала огонь из пушек — против брони артиллерийских кораблей это было бессмысленно, а запускала волну за волной ракеты, которые неслись к целям под градом зенитного огня и напряженной работы бортовых РЭБ.

Вспышки, дистанционная детонация, разлет осколков — все смешалось в объемном клубке огня, и когда группа истребителей пошла на разворот, чтобы выполнить очередной заход на цели, два корабля артиллерийской поддержки уже горели.

У одного еще оставался шанс на то, что пожарные команды сумеют потушить его и борт будет выведен из боя, но второй уже начал разрушаться — от него отваливались большие куски корпуса, артиллерийские башни, и наконец полыхнул взрывом арсенал.

Как раз в этот момент подошла двадцатка тяжелых штурмовиков «сабинвар».

Они не могли соперничать с «хоккерами» в маневренности и скорости, однако их вооружение и защита были значительно мощнее.

Да, против полусотни истребителей они едва ли выстояли бы, но в союзе с кораблями артподдержки их шансы на выполнение задачи значительно возрастали.

Подключаясь к системе наведения группы артподдержки, штурмовики видели намного больше, чем их противники, ушедшие далеко от покровительственных полей «Алуэтта», ведь командование крейсера не ставило целью поддерживать свою авиацию — «хоккеры» были пущены как камикадзе.

От них требовалось максимально задержать противника, в то время как «Алуэтт» уходил все дальше, включив на сверхлимитные режимы оставшиеся двигатели.

Истребители сделали второй заход и нарвались на убийственный огонь крупнокалиберных пушек штурмовиков «сабинвар», поддерживаемых зенитными арт-автоматами кораблей артиллерийской поддержки.

Попадая под перекрестный огонь, «хоккеры» стали гореть и рассыпаться один за другим. Они все еще расстреливали оставшиеся боеприпасы по целям, но их ракеты не везде достигали цели, перехваченные контрракетами с бортов кораблей флота.

Бой с истребителями «Алуэтта» продолжался недолго, однако за это время сам крейсер успел отмахать немало. И когда группа генерала Рендлау снова сумела развить ход, вражеский крейсер находился от нее на приличном расстоянии.

Десантные суда, которые были выделены для штурма крейсера «Алуэтт», вернулись на свои базовые корабли, поскольку крейсер все еще держался далеко и развивал приличную скорость, но было件нятно, что долго держать этот режим он не сможет.

Между тем на «Алуэтте» все шло своим чередом. Артиллеристы тестировали исполнительные механизмы орудий, патронщики готовили активную фольгу всех наименований, которая шла в ход, когда предстояло в быстром темпе формировать новые сердечники.

Командир «Алуэтта» находился на мостике уже вторые сутки, но не слишком устал — время от времени его заменяли многочисленные помощники. Однако теперь больше, чем

выживаемость корабля, его беспокоило — смогут ли они увести от ударной группы того важного гражданина, о котором, как оказалось, имперцы все же узнали.

Это был не просто рейд, это было наведение мостов «Грумвирта» с «Дунвиртом», еще одним фронтом сопротивления против Империи.

Он был не так силен, как «Грумвирт», но находился в более уязвимом для Империи месте — ее подбрюшье. Да, он не имел многомиллионной армии, а лишь несколько сотен тысяч солдат-повстанцев, но у него были огромные перспективы, и в «Грумвирте» понимали, что могут значить для них в перспективе союз и совместные действия против большой Империи.

Потому на переговоры и первое знакомство с ними был отправлен один из вождей — один из вдохновителей борьбы с Империей, некто Роллак, когда-то обычный сельский судья.

Открыто излагая свои взгляды, он постепенно набирал популярность и, в конце концов, получил широкую известность, присоединившись впоследствии к боевикам-экстремистам.

Переговоры получились результативными. Новые союзники были сравнительно «молоды», у них не было тех возможностей, как у «Грумвирта», однако был идеологический принцип, по которому они расходились.

«Дунвирт» ставил целью уход от Империи и организацию отдельного государства. Его представляли «карлики Монга», которые, впрочем, не казались такими уж маленькими.

Это было лишь самоназвание, а фактически они выглядели похожими на гоберли — такие же крепкие. Однако каждый суперколвер или кто-то похожий на суперколвера казался карликам Монга безусловным врагом, с которым нельзя было вести никаких переговоров. Поэтому им было трудно начать договариваться с судьей Роллаксом, который был тем же суперколвером, только несколько иной формации.

Предчувствуя подобные проблемы, судья Роллак взял для своего посольства нескольких гоберли, и, кажется, это сработало. К их участию в переговорах карлики Монга отнеслись позитивно, и впоследствии удалось наметить некоторые совместные программы, которые позволили бы им наладить взаимодействие на фронтах борьбы с Империей.

Одним словом, переговоры прошли успешно, и судья Роллак мог вернуться домой в абсолютном комфорте, осознавая, что выполнил важную миссию, однако ему захотелось отметить как-то еще, ведь он был не последним лицом в «Грумвирте».

Сельский житель, прежде он не видел ничего страшнее деревенской потасовки с разбитыми носами, а здесь под его временным командованием оказался суперкрейсер, равного которому пока не было даже у имперского флота.

Да, на стапелях главных государственных подрядчиков в Уденге и Мароне уже строились подобные корабли, но пока «Алуэтт» был единственным.

По мнению командира крейсера, судья Роллак, прежде занимавшийся больше пропагандистской деятельностью и теоретизированием, просто погнался за приключениями.

Все цели давно уже были разведаны спецслужбами «Грумвирта» и нанесены на карты, поэтому судья Роллак тыкал пальцем на одну из них, и неразлучное соединение — «Алуэтт» плюс «Вердия» атаковали этот объект и, пользуясь своей скоростью и хорошим прикрытием, уносились дальше.

Однако Империя не была бы Империей, если бы не имела эффективного флота и средств контроля за своими огромными пространствами. Поэтому после нескольких акций «Алуэтта» патрулировавшие на территориях ударные группы флота стали перемещаться, выходя на перехват диверсионной вражеской группе, и нечего было удивляться, что вскоре начались стычки.

Теперь судья Роллак трусливо прятался в своей командирской надстройке, а экипаж боролся за живучесть корабля и оборонялся от атаки кораблей артиллерийской поддержки имперского флота.

«Алуэтт» отвечал частыми залпами с неполной разрядкой, чего вполне хватало небольшим кораблям в отличие от защищенных многослойной броней крейсеров.

Суда палубной авиации крейсера несли большие потери. Имперские штурмовики и корабли артподдержки флота, объединенные в единую оборонительную систему, эффективно перехватывали атаки «хоккеров», и от района боя разлеталось все больше обломков истребителей, пока они не были почти полностью уничтожены. Лишь единицы из них на остатках топлива понеслись вслед своей авиаматке, которую, увы, уже не могли догнать.

Избавившись от этого препятствия, отряд кораблей артподдержки снова начал набирать скорость и нагонять бегущий «Алуэтт».

Снова заработали двадцатидюймовые орудия, и им в ответ ударили пятидесятидюймовые — в половину мощности.

После преследования, длившегося восемь часов, отряд преследователей потерял еще два корабля артподдержки, которые были сожжены прямыми попаданиями снарядов с крейсера «Алуэтт».

За отрядом «охотничьих собак» подтягивалась и вся ударная группа, корректировавшая ход битвы отдельными выстрелами крейсерских орудий.

Теперь, когда «Алуэтт» был связан прерывистым боем с кораблями-загонщиками, с трех крейсеров флотской группы следовали точно выверенные залпы, и снаряды прилетали именно с той скоростью и отдавали именно ту мощь, которая была необходима — чрезмерные разрушения на корабле-беглеце теперь были не нужны.

«Алуэтт» мог идти только средним ходом, и корабли артподдержки, приблизившись на критическую дистанцию, били по целям на выбор, методично заклинивая поворотные механизмы орудийных башен — одну за другой.

Еще через два часа к участию в преследовании были привлечены уцелевшие в бою с истребителями штурмовики «сабинвар». Их было всего восемь, но они приближались на дистанцию кинжального огня и, проносясь вдоль всего борта, расстреливали даже единичные оптические датчики размером с крупный апельсин.

Корабль-гигант ничего не мог поделать, его орудия на таких дистанциях оказывались бессильны, а зенитные автоматы были заблокированы огнем кораблей артподдержки.

После некоторых раздумий сабкапитан Арден отдал приказ снова выпускать десантные

транспорты со штурмовыми группами. И вскоре, отделившись от кораблей-носителей, три невооруженных десантных транспорта понеслись навстречу неизвестности.

Преодолев дальнюю дистанцию действительного огня пушек «Алуэтта», транспорт добрался до следующего рубежа, а далее уже никто не мог помешать им — контроль над боевой ситуацией был полностью на стороне кораблей флота.

Несмотря на отсутствие перспектив к спасению, расстреливаемый «Алуэтт» продолжал упрямо идти максимально возможным ходом.

Однако десантные суда без проблем присоединились к выбранным ими самым удобным точкам контакта.

Разумеется, никто не ожидал, что высадка пройдет без ожесточенного противодействия, поэтому выбор командиров десанта пал на точки, расположенные вдалеке от штатных стыковочных узлов.

Десанту предстояло срезать броню и вскрыть стенки, и для этого у десантных судов имелся набор специальных устройств и приспособлений: скрейперы, горелки, сверла и ленточные детонаторы, которые, прокручиваясь по ленте, микровзрывами перебивали силовые струны арматурной брони и позволяли, таким образом, преодолеть защиту практически любой прочности.

На корабле царила паника. Несмотря на то что пожарные и контрштурмовые подразделения были расставлены по местам, никто не знал, с какой стороны пристанут штурмовики, поскольку, помимо собственного при-стыкования к бортам, десантные суда выпускали десятки ботов-имитаторов шума, которые крепились к стенкам и начинали издавать характерный для вскрытия шум.

В другом случае могли бы помочь датчики с поверхности корпуса и надстроек, которые умели различать настоящие и мнимые угрозы, однако почти все они были уничтожены, и экипаж ориентировался на звуки, а звуки теперь раздавались со всех сторон.

И поэтому контрштурмовые группы перебегали с места на место, а отряды, сформированные из оставшихся без дела членов команды, только добавляли суеты и беспорядка.

Вскоре три команды по пятьдесят бойцов прорвались на борт «Алуэтта», имея подробнейшие планы расположения палуб и служб.

Какое-то время они двигались без всяких препятствий, пока им не начали попадаться отряды ополчения, состоящего из членов команды — от инженеров до двигателистов с механических палуб.

Эти отряды рассеивались и уничтожались достаточно быстро, и штурмовые подразделения двигались дальше. Их целью была командная палуба, также называемая — «гражданской». Именно там должны были находиться главные персоналии.

Командиры штурмовых групп не знали, как выглядит важный мятежник. Им был известны лишь его статус и имя.

И ополчение корабля, активно обороняясь, невольно выдавало самое верное расположение главных персон на крейсере.

По мере приближения к верхним палубам оказывать сопротивление штурмовикам стали наиболее подготовленные бойцы из контрштурмовых отрядов.

Сначала это были заградительные группы по четыре-пять бойцов, хорошо вооруженных и оснащенных. Потом стали появляться группы из шести-восьми бойцов, вооруженные автоматическими гранатометами.

Никто уже не думал о том, чтобы сохранить в целости магистрали корабля, и все стреляли из того, что имелось.

Свистели осколки, из труб вырывался пар и струи водозаменителя. Отделочные плиты разносило взрывами в мелкий серпантин, однако подготовка штурмовых подразделений была значительно выше. Они проводили годы в ежедневных тренировках на макетах сотен видов гражданских судов и кораблей. Они действовали по отработанным схемам стандартных ситуаций, защитники корабля не могли им противопоставить ничего нового.

Стандартно преодолевались засады, стандартно вскрывались двери, стандартно добывалась разведывательная информация от пущенных в проходы мини-роботов-разведчиков.

Защитники корабля защищались мужественно, однако несли потери и пятились. А между тем три крейсера флотской группы уже приблизились к беглецу на дистанцию кинжального огня, однако на «Алуэтте» до этого уже никому не было дела.

Спустя неполный час штурмовые группы прорвались на верхние палубы, а

находившийся в роскошной каюте судья Роллак пребывал в состоянии абсолютного шока.

Еще несколько часов назад он ощущал себя великим мстителем. Он отдавал командиру приказ, и «Алуэтт» своими пушками подавлял любое сопротивление и разносил далекие цели на выбор. Затем включалась станция «Верея», и «Алуэтт» полностью исчезал с экранов имперских радаров.

Какое-то время судья Роллак наслаждался этой безнаказанностью, пока крейсер не поймал несколько болезненных ударов от стационарного артиллерийского поста. А затем неприятности стали возникать одна за другой, и вот уже враг стучался в дверь судьи Роллакса, и он должен был покончить с собой, чтобы уйти красиво и превратиться в легенду.

Но как же трудно было сделать это — судья не предполагал, что когда-то он окажется перед столь тяжелым выбором.

О войне и непримиримой борьбе он знал по сводкам, а здесь — вот она, и прямо сейчас он должен был столкнуться со штурмовиками имперского флота.

На полированном столе лежал мощный китган — самой последней модели и в нем — почти сотня зарядов.

С этим можно было какое-то время противостоять врагам, к тому же он проходил стрелковые курсы и даже показывал неплохие результаты.

Но одно дело стрелять, лежа на мягком матрасе, и совсем другое — действовать в экстремальной ситуации.

Судья Роллак судорожно сглотнул и зажмурился, но когда открыл глаза, ничего не изменилось — это был не сон. Шум боя приближался, были слышны не только выстрелы, но уже крики и топот.

Вдруг дверь распахнулась, и он снова зажмурился, но это оказался командир корабля Лифтон.

Он был в броне, правда, без шлема. Левый наплечник его оказался разворочен, и по защитным накладкам текла кровь. В правой командир держал пистолет.

— Ваша честь, вы должны принять единственно верное решение. Они прибыли сюда из-за вас!

— Что... Что вы хотите сказать, командир Лифтон?

— Ваша честь, вы должны уйти красиво и остаться в памяти патриотов героем, — произнес капитан, глядя судье в переносицу и отведя взгляд, положил перед ним пистолет.

В этот момент в коридоре снова раздались вопли, загрохотали очереди, ударил китган и что-то где-то обрушилось.

Глядя на мигавший огонек, означавший, что оружие уже на взводе, судья взял пистолет, поднес к голове и зажмурился еще раз, однако чувствовал, что сил нажать на спусковой крючок у него нет.

— Ваша честь! Они уже рядом!.. — крикнул Лифтон. Он был готов и сам уничтожить судью, но сделать это ему не позволяло воспитание, в конце концов, это был тот самый Роллак, о котором с придыханием и восхищением говорили все, когда командир Лифтон был еще ребенком.

Вдруг дверь вышибли сильным ударом, оба резко повернулись, и командир попытался схватить со стола китган, однако разряд из другого китгана отшвырнул его к дальней стене, и в каюту стали забегать штурмовики в черной броне.

Судья Роллак выпустил пистолет и поднял руки. Он предпочел сдаться.

Какое-то время он стоял с поднятыми руками и даже не дышал, а вокруг сновали

имперские солдаты.

Он ожидал окрика, возможно, удара или еще чего-то подобного, однако вместо этого к нему приблизился офицер и, сняв шлем, сказал:

— Ваша честь, вы можете опустить руки.

Роллакс исполнил это как приказ.

— Мы должны проводить вас на наш корабль.

— Да, конечно, — начал приходить в себя Роллакс.

— Может, вы хотите что-то взять с собой? Какие-то вещи или документы?

— О да, мои документы, они вон там, в сейфе...

— Не беспокойтесь, мы все доставим вслед за вами, — пообещал офицер.

Меньше чем через час судья оказался в комфортной каюте, почти такой же, какой располагал на борту «Алуэтта». Он уже не проявлял беспокойства, поскольку ему своевременно был сделан успокаивающий укол.

Фактически этот важный пленник принадлежал контрразведке, поэтому его, дополнительно накачанного всяческими поддерживающими препаратами, отправили на одну из главных планет, где были сосредоточены главные офисы всех министерств.

Поскольку последние два периода взаимоотношения контрразведки и внешней разведки находились на уровне точки замерзания и даже имели место прямые столкновения в периферийных провинциях, руководство контрразведки решило привлечь к допросам пленника столь высокого ранга их представителя.

На этих допросах судья Роллак особенно не запирался. Сообразив, что ему не грозят в ближайшее время никакие страшные кары, он решил, что чем больше расскажет, тем лучше к нему будут относиться власти Империи и тем мягче окажется возможное наказание.

Он рассказывал без утайки, выкладывая все, что ему было известно, про организационную структуру, методы пропагандистской работы, про других высокопоставленных лиц «Грумвирта» и основных поставщиков контрабандного вооружения и оборудования для армии мятежников.

Он говорил без остановок, торопясь и тараторя, боясь, что его вдруг прервут и он не сможет рассказать всего и тем самым облегчить свою участь.

Казалось, он был рад избавиться от того, что в нем так долго копилось.

Такое стремление радовало следователей и специальных членов комиссии, но присутствовавших в комиссии представителей Министерства Внутренней Политики и администрации правительства несколько удивляла обстановка, при которой осуществлялся допрос.

Все происходило в огромном, похожем на студию помещении.

Повсюду было множество театральных декораций, где-то в конце зала играла музыка, вспыхивали яркие огни.

Иногда мимо кто-то пробежал — то один, то целые группы разодетых в театральные костюмы статистов. Но поскольку представители спецслужб не обращали на все это внимания, приглашенные чиновники только переглядывались и не задавали вопросов, чтобы не выглядеть невеждами.

Иногда с края площадки — из-за занавеса показывался какой-то канзас, тогда один из присутствовавших поднимался и уходил к нему и они что-то негромко обсуждали.

Канзас, который появлялся «на сцене», был руководителем группы так называемых интуитов, занимавшихся не поддающимся объяснению фронтом помех.

И представители спецслужб, и их враги на другой стороне имели соответствующие подразделения специалистов, которые умели кодировать чрезвычайно важных персон, обладавших знаниями гостайны, с тем, чтобы в случае попадания в плен они не могли ничего рассказать.

Разумеется, при высоком уровне технологий и инструментов дознания говорить могли заставить кого угодно и запирались было бесполезно, поэтому и проводилась кодировка, игравшая роль предохранителя. Срабатывал этот предохранитель по сигналу извне,

передававшемуся в тонких, малоизученных полях, и дальность действия этого сигнала была не ограничена.

Защититься от него можно было, лишь выстроив защиту на том же уровне, и именно этим занималась группа интуитов, пытавшаяся закрыть судью Роллакса от интуитов спецслужб «Грумвирта».

Получив сигнал о штурме «Алуэтта», мятежники уже знали, что судья Роллакс либо убит, либо захвачен в плен, а потому приняли решение отдать команду на срабатывание кода.

— Они бьют изо всех сил, сэр, мы едва держимся, — сообщил руководитель группы интуитов.

— Ну, так подключите какие-то резервы, что ли. Резервы у вас имеются?

— Мы подключили уже все резервы, в том числе и курсантов...

— У вас же их вроде много было.

— Понимаете, в чем дело, сэр. Мы держим экран, но он не одинаковой плотности. Противник не вполне сориентирован и бьет почти наугад, это как стрельба снайпера в кого-то, кто прячется за стеной. Рано или поздно он попадет в него. Вопрос только — когда.

— Но сейчас вы обязаны держаться, понимаете? Он говорит важные вещи!

— Сэр, я понимаю, но от нас это не зависит.

— Ладно, держитесь, по крайней мере сделайте все возможное, ну а мы тут будем делать, что успеем.

Интуит убежал к своим, говоривший с ним офицер вернулся за стол.

Он украдкой вздохнул и огляделся. Весь этот театр вокруг, этот балаган был затеян, чтобы отвлечь подсознание допрашиваемого. Сейчас он пребывал в постоянно меняющихся условиях, и это позволяло отвлечь его от самоанализа. Пленник ни в коем случае не должен был задуматься о долге и засомневаться в своем поведении, в этом случае вражеские интуиты обнаружили бы его наверняка и ударили бы точнее.

Допрос продолжался, и спустя какое-то время офицер, курировавший интуитов, успокоился. А вскоре ему стало казаться, что все это ерунда и никто до них не дотянется и не помешает, но тут судья Роллакс вдруг прервал свой сбивчивый рассказ и широко улыбнулся.

— Вы знаете, мне здесь очень нравится. — Он огляделся, как будто впервые увидел эту площадку. — И декорации, и освещение. Знаете, стыдно признаться, но в театре я был только один раз, в далеком детстве. Кажется, это была... Да-да, сказка про деревню колокольчиков.

Члены комиссии переглянулись, а офицер, отвечавший за режим допроса, вздохнул и обреченно кивнул. «Пуля» далекого снайпера-интуита все же нашла брешь в защитном экране, и закладки сработали.

Появился руководитель интуитов, и ответственный за режим допроса снова отошел к нему.

— Сэр, кажется, мы пропустили удар...

— Да, пропустили. Это было заметно.

— Что же теперь делать?

— Теперь ничего, идите отдыхайте. Он наговорил достаточно, не переживайте.

— И куда его теперь такого?

— Это уже не ваше дело. И даже не мое. Это будет решать начальство.

Пленника доставили в закрытую тюрьму контрразведки, где для него были созданы комфортные и безопасные условия.

На несколько дней его оставили в покое — начальство контрразведки взяло паузу, чтобы решить, как поступить дальше.

— Ну, дорогой Гофман, как нам теперь выбираться из этого дерьма? — спросил начальник контрразведки у своего первого заместителя.

— Это не совсем то, ваше превосходительство...

— Вот давай только без этого «превосходительства», — отмахнулся начальник и подровнял стопку документов, что он всегда делал, когда был раздражен. — Почему ты думаешь, я тебя взял на это место?

— Потому, что я не чистокровный суперколвер... — попытался пошутить заместитель.

— Прежде ты умел находить выход из подобных ситуаций, вот потому я тебя и взял. Из администрации Центрального Правительства уже прислали извещение о том, что назначено расследование. Там хватает мерзавцев, которые будут стараться сделать карьеру, втоптав нас в грязь.

— Сэр, он успел наговорить достаточно материала, нам есть с чем работать, еще и с коллегами поделимся, новоприобретенными.

— Да в правительстве плевать хотели на то, что мы нашли. Им нужно затеять скандал и наказать кого получится, чтобы записать это себе в актив. Поэтому думай, что мы можем бросить им в качестве защитного аргумента.

— Я понял, сэр.

— Как ты полагаешь, что сейчас думает «Грумвирт» по поводу этого судьи? Уверены они, что все получилось?

— Специалист сказал, что на девяносто процентов уверены.

— Это который специалист, канзас, что ли?

— Да, его зовут Верлиб.

— Он у нас штатник?

— Так точно, год назад поставлен в штат. До этого считался прикомандированным.

— А взяли его откуда?

— Можно вывести досье на монитор, — сказал заместитель, кивнув на компьютерный терминал.

— Надо будет — выведу. Откуда его взяли?

— Из военной разведки.

— Да, вспомнил. Ты документы подавал?

— Я, сэр.

— Ну, так что там про «Грумвирт»?

— Они практически уверены в своей удаче.

— Но мы с тобой знаем, что девяносто процентов — это не так много, правильно?

— Да, у нас принято доводить до ста.

— Поэтому что им остается?

— Они бы попытались его достать, однако пока он у нас, это невозможно.

— Невозможно. Вот и подумай в этом направлении, как и что мы еще можем выжать из

этого судьи.

— Можно переслать его куда-то.

— То есть?

— Ну, поскольку у нас его не достать, мы можем организовать его переправку.

— Куда, например?

— Возможно, у нас есть экспериментальный центр где-то... ну, скажем, на Эталоне.

— Допустим.

— Собираем группу сопровождения и отправляем. А чтобы «Грумвирт» не промахнулся, сольем дезу через наши утечки.

— Наши утечки, — повторил начальник контрразведки и потер пальцем переносицу. — Еще бы знать, сколько утечек нам еще неизвестно.

— Полагаю, теперь можно спросить об этом у внешней разведки. Мы же вроде как помирились. Пришли к общему знаменателю.

— Думаешь, пойдут навстречу?

— У нас есть что предложить им взамен — нам известны некоторые из их сотрудников, которые «протекают». Вот и обменяемся.

— Хорошо, но этим пусть занимается наш отдел внутренней безопасности, у тебя и своей работы полно.

— Так точно, сэр.

— Хорошо, значит, предварительно отправляем на Эталон, под легендой... Какая может быть легенда?

— На Эталоне есть аппаратура, которая может починить испортившегося языка.

— Это легенда или там действительно есть что-то подобное?

— Там планировалось сделать что-то подобное, сэр, но потом изменилась финансовая политика и строительство исследовательского центра заморозилось. Но по документам все оформлено, так что выглядеть будет солидно.

— Отлично, значит, легенда правдоподобная. Допустим, нам все удалось, их диверсанты перехватили конвой и зачистили судью. Как мы можем это использовать? Можешь пока не отвечать. Иди и дорабатывай вопрос, заодно набросай примерный состав нашей конвойной группы.

— Понял, сэр.

— Ну, тогда свободен.

Заместитель начальника контрразведки генерал Гофман не поленился лично зайти в отдел личного состава и, поговорив с начальником отдела, обрисовал задачу по подбору группы. После этого вернулся к себе, и спустя четверть часа ему на терминал уже пришел результат.

Генерал Гофман принялся изучать довольно внушительный список агентов, которых было не жалко для одноразовой акции, и нашел несколько специалистов, которые уже выросли из этого отстойника и представляли для службы интерес, поэтому он сделал соответствующие пометки и отправил обратно. Вместе с тем из оставшихся тоже выбрать было некого. Формировать группу из явных залетчиков значит сразу подставиться — спецслужбы «Грумвирта» давно доказали, что с ними нужно считаться, поэтому группа должна была выглядеть убедительно, но для этого следовало вывозить агентов с периферии, а это долго и опять же — подозрительно.

В конце концов, чтобы упростить себе задачу, Гофман позвонил коллегам из внешней разведки и договорился с одним из заместителей их шефа о встрече.

— А на предмет чего будет беседа? Что я должен подготовить, генерал?

— Есть мысли относительно внутренней безопасности наших служб, ну и по личному составу хотелось бы проконсультироваться.

— Хорошо, жду вас.

Гофман вызвал машину и, сказав секретарю, что ненадолго отлучится, спустился на лифте во внутренний двор.

Мысленно он уже прокручивал предстоящую беседу и то, какие и где нужно расставить акценты. Нельзя было выглядеть просителем, в противном случае ему ничего не дадут или подкинут какое-нибудь барахло.

К его приезду второй замначальника внешней разведки был уже во всеоружии. Прежде он возглавлял отделение внутренней безопасности в одном из филиалов, поэтому тему об обмене сведениями об утечках принял с энтузиазмом.

— Хорошо, я доведу эту информацию до начальника — думаю, это в наших с вами интересах.

— Замечательно, — кивнул генерал Гофман. — Ну и ко второму вопросу — у нас намечается операция, и обнаружилось, что персонал, необходимый нам, разбросан по периферии. Чтобы его собрать, нужно время, и самое главное — это привлечет внимание.

— Понимаю, — кивнул собеседник. Спецслужбы часто брали «в аренду» агентов, оперативников и даже передавали друг другу источники, торгуясь и обмениваясь всем этим, когда возникала необходимость.

Чтобы говорить предметно, он вызвал одного из офицеров отдела личного состава и, когда тот пришел, предложил Гофману назвать критерии.

— Нам нужна группа сопровождения для переброски арестанта.

— Насколько высок будет статус арестанта? — уточнил кадровик.

— Статус высокий. Однако группа эта может не вернуться. Даже, я бы сказал, — скорее всего не вернется.

— Понимаю, — кивнул кадровик. Это не было чем-то особенным.

— При этом бойцы эти все же должны выглядеть представительно. Если неприятель

заметит, что ему подсовывают барахло...

— Да, сэр, я понял.

— Ну вот в общем-то и все.

Генерал Гофман поднялся, его собеседники — тоже.

— Когда появятся результаты?

— Мы должны утвердить это у начальства, — сказал второй зам. — Но я уверен, что проблем не будет.

— Значит, часа через два, — пообещал Гофману кадровик. — Я пришлю вам списки прямо на терминал.

На том они и расстались. А вскоре, после возвращения, Гофман получил документы, которые секретарь распечатал в твердых копиях.

Гофман стал их изучать. Предлагались три варианта состава: пять бойцов и командир, восемь бойцов и командир, двенадцать бойцов с командиром.

Генерал снова связался со вторым замом начальника внешней разведки и сказал, что выбирает первый вариант.

— Давайте пять плюс один. На этом остановимся.

— А не слишком это...

— Самонадеянно?

— Да. Не сочтет ли неприятель это подставой?

— Нет, в нашем случае мы как бы стараемся прокрутить все незаметно — как можно более незаметно, поэтому и группа будет небольшая.

— Ну что же — вам виднее. Досье на эту группу вышлем вам через полчаса.

— Годится.

Чтобы окончательно утрясти вопросы, по которым они начали сотрудничество, коллеги договорились о новой встрече уже на территории контрразведки, и через пару дней второй замначальника внешней разведки — полковник Френблиц прибыл в гости к генералу Гофману.

Оба были суперколверы — на таком уровне канзасы и гоберли не появлялись, хотя начальниками отделов назначались весьма охотно.

Канзасы хорошо справлялись с разного рода диверсионной деятельностью, гоберли была по силам техническая разведка.

Несмотря на то что суперколверы отличались особой щепетильностью относительно личного пространства, офицеры обменялись рукопожатиями. Этот ритуал был завезен из далеких колоний и прижился в армейских кругах и в среде спецслужб.

— Отличный кабинет, — с долей зависти заметил Френблиц. — Высокие потолки, много света.

— Да, не жалуюсь, — улыбнулся Гофман.

— А у нас старое здание, да, впрочем, вы же видели, — сказал гость, садясь за длинный совещательный стол и выкладывая перед собой папку с документами.

Гофман сел напротив.

— Предлагаю вопрос о собственной безопасности обсудить — во-вторых, — сказал Френблиц. — А начать с этой вашей операции.

— А почему она вас заинтересовала?

— Давайте так, генерал, если вам начальство запретило говорить, закроем тему — мы вам и так поможем, а если разрешило...

— А как вы думаете? — улыбнулся Гофман.

— Думаю, начальство не будет против, чтобы вы поделились, поскольку, если мы будем что-то знать, мы будем помогать вам с большей охотой. Да вы и сами это понимаете.

— Да, понимаем, — согласился Гофман. — Начальник разрешил поделиться, так что спрашивайте.

— Тот ли это пленник, о котором мы все знаем?

— Да, тот.

— Что мы будем иметь с этой операции?

— «Мы» — это мы или «мы» — это все вместе?

— Разумеется, все вместе — одно ведь дело делаем.

— Мы ожидаем, что наши оппоненты из «Грумвирта» постараются прикончить своего товарища, как только узнают, что переправляем его куда-то еще.

— А с чего им его приканчивать? Может, захотят выкрасть, чтобы предъявить народу как безупречного героя? — улыбнулся Френблиц.

— Ну какой из него герой? Срабатывание кода превратило его в растение. Он сейчас всем доволен, все время улыбается и даже прибавил три килограмма за последнюю неделю. Ни о какой политике не вспоминает, что-то вырезает из бумаги, лепит из глины. Одним словом — реализовывается.

— То есть вы полагаете, что такой герой им не нужен? А может, они его как-то... реанимируют?

— Не думаю. По крайней мере у нас нет никаких сведений о том, чтобы после такого кого-то где-то реанимировали. Они не станут рисковать и будут действовать с гарантией. Найдут и уничтожат его и всю группу, которая будет его сопровождать. Потом они у себя будут распространять версию, что судья погиб как герой, скажем, при попытке к бегству. Долго отстреливался, но у него кончились патроны. И все такое.

— Красиво, но примитивно.

— Примитивно, но действенно.

— Согласен. Судья Роллак там очень известная личность, и портреты его висят едва ли не в каждом доме. Значит, именно для этого вам нужен состав одноразовых агентов.

— Именно так. Чтобы их гарантированно не проворонили, мы подбросим информацию — у нас есть места, где очень кстати немного протекает.

— Полезные утечки? — улыбнулся гость.

— Вот именно. Никогда не трави всех тараканов, какой-то да пригодится.

— Насколько длинным будет маршрут?

— Маршрут будет максимально длинным. Он будет проходить по диким местам, где мало имперских гарнизонов, практически это джунгли. Большая часть пути, разумеется, будет преодолена на транспорте, но вот этот участок будет в нашей операции самым главным.

— Что за планета?

— Эталон. Именно там мы и дадим шанс господам из «Грумвирта».

— Бывал я на Эталоне.

— Ну и как там?

— Ничего хорошего. Хотя в джунгли я даже не совался.

— В джунглях им нужно будет пройти всего-то пару сотен километров.

— Что, пешком?

— Нет, у них будет транспорт — вездеходный, защищенный броней, все как положено.

— С закладками? — улыбнулся Френблиц.

— Ну, кое-какие закладки, конечно, будут на тот случай, если агенты будут слишком уж блистательны.

— Да прекратите, — отмахнулся Френблиц. — Какие там блистательные? Мы не дадим вам блистательных агентов — такие самим нужны.

Они посмеялись.

— Одним словом, притормозить мы их сможем, и тогда господа из «Грумвирта» обязательно до них доберутся.

— Ладно, пристрелят мятежники этого героя, а дальше что?

— А дальше у нас заготовлен большой сценарий, по которому мы начнем вбрасывать информацию по открытым и скрытым каналам — и через министерство информации, и через источники на территории, подконтрольной «Грумвирту».

— И какая основная мысль?

— Главная мысль — внутри «Грумвирта» беспокойно, все вожди погрязли в коррупции, идет внутренняя борьба за власть, некоторые продались Империи и получают деньги из рук ее спецслужб. Группировки стреляют друг друга, и вот вам подтверждение — сдача судьи Роллак врагу, а затем, когда ему непостижимым образом удалось сбежать, его вероломное уничтожение. А почему, спросите вы?

— Да, почему? — подыграл гость.

— А потому, что, побывав в плену, он сумел узнать очень много компрометирующих фактов о своих бывших коллегах и нес это знание домой, чтобы вычистить, так сказать, и, так сказать, воздать.

— Неплохо, — кивнул гость. — И забрасывать, разумеется, будете дозированно?

— О да, только дозированная подача, по крупицам, где-то почти в закрытом виде, чтобы местные журналисты добывали информацию с трудом.

— Что еще?

— Будем забрасывать через сеть провокационные ролики. Разумеется, никакой экспертизы они не выдержат, но кто нынче ждет выводов экспертизы? Пока кто-то что-то докажет, материал уже сыграет свою роль.

— Понятненько. Ну, в общем, я узнал все, что хотел, думаю, в следующий раз я приеду к вам... Ну, скажем, через неделю уже с «группой на выход». Так будет нормально, у вас не горит?

— Не горит, неделя — это нормально.

Впервые за все время пребывания в городе Брейн решил воспользоваться тележкой-роботом. Не то чтобы он не хотел нести покупки сам — это было частью его ежедневной нагрузки, но все же было любопытно, как эта штука действует.

И штука действовала. Она каталась за ним по залу, ни разу не задев ни за один угол, не зацепив никого из посетителей магазина.

Не натыкалась на Брейна, когда он резко останавливался, чтобы проверить реакцию аппарата. Все действовало безупречно, и в конце концов в сопровождении тележки он отправился домой, косясь по сторонам в надежде поймать заинтересованный взгляд, но если кто и косился, то только на него, как на недокормленного суперколвера, а тележками здесь никого удивить было невозможно.

Поднимать тележку в лифте Брейн не стал. Едва он вытащил сумки, как она, видимо, делая это не в первый раз, тотчас откатилась под лестницу на первом этаже, и Брейн, хмыкнув, один поднялся на лифте.

Подойдя к своей двери, он заподозрил, что в квартире кто-то есть, и остановился. Брейн понял это по тому, что дверь, хотя и была заперта, не слишком плотно прилегала к дверной коробке. Уходя, он имел привычку плотнее ее прихлопнуть, а в этот раз дверь просто прикрыли.

Разница была небольшая, может, полмиллиметра, тем не менее Брейн ее заметил.

Но кто мог ожидать его внутри? Только Росс. Других вариантов быть не могло.

Открыв дверь, он понял, что это Росс. Внутри квартиры слегка пахло моющим средством без отдушки — чем-то вроде хлорки.

У местных не было принято пользоваться духами, одеколонами, ароматными дезодорантами.

И действительно, в комнате в кресле сидел куратор.

— Привет, — сказал Брейн, проходя к холодильному шкафу, чтобы уложить туда покупки.

— Пойдем, у нас мало времени, — сказал Росс, поднимаясь.

— А что, мы куда-то едем?

— Да.

— Одну минуту, я только положу продукты...

— Оставь их, они тебе больше не пригодятся.

— Почему это?

— Ты сюда больше не вернешься.

В устах Росса это звучало несколько двусмысленно, но Брейн не спешил с выводами. В конце концов, ему еще повезло, что он попал в такие комфортные условия, живя в отдельной квартире с бесплатной едой и прекрасным видом с балкона. И вот все это закончилось. Потому что все когда-то заканчивается.

— Может, я хотя бы воду возьму? — спросил Брейн, с сожалением глядя на пятилитровый баллон.

— Не беспокойся, в другом месте у тебя все это будет, — пообещал Росс.

Брейн развернулся и вышел из квартиры. У лифта его догнал Росс, и, вместе войдя в кабину, они поехали вниз.

У выхода уже ждал подъехавший к подъезду фургончик, хотя Брейн, возвращаясь из магазина, его вблизи не заметил — он всегда осматривался по привычке.

За джойстиком сидел водитель, хотя большинство местных пользовались автоматическими роботами-такси. Они принимали адрес с голоса и никогда не переспрашивали, с каким бы акцентом клиент ни говорил.

Ехали долго — часа два с половиной. За это время ни водитель-гоберли, ни Росс не произнесли ни слова. Брейн тоже не навязывался, просто смотрел в окно, где ничего не происходило, потому что шоссе закрывалось высокими антишумовыми щитами.

Транспортный поток тоже не представлял развлечений — грузовики и легковой транспорт мало чем отличались. Окна их были тонированы серо-серебристым покрытием, за которым нельзя было разглядеть лиц водителя и пассажиров. Такого же блеклого цвета были и сами транспортные средства, отличаясь только полутонами. Скука.

Наконец водитель сбросил скорость, а справа в защитных щитах появилась брешь, и они свернули туда — на второстепенную дорогу.

Полагая, что они скоро расстанутся, Брейн все же решил побеспокоить куратора.

— Послушай, Росс, а почему я не почувствовал никакой тошноты, когда мы выезжали из района? Я ведь все еще напичкан этими вашими ивиндиандами.

Росс вздохнул и посмотрел на Брейна так, будто тот все два с половиной часа пути не давал ему покоя расспросами.

— Просто я их переформатировал.

— Ивиндианды?

— Да.

— А как? Что, у тебя в кармане брюк какой-нибудь пульт, которым ты все это проделал, нажав пару кнопок?

Росс еще раз вздохнул и после паузы действительно достал из кармана небольшой приборчик, очень похожий на пульт.

— Все? — спросил он.

— Все, — кивнул Брейн и снова стал смотреть в окно, где теперь было поинтересней. Машина неслась по дороге, мощенной мелким булыжником, отчего ее слегка потряхивало. Вдоль дороги тянулись какие-то посадки, по-видимому, сельскохозяйственные. Что тут могло расти, Брейн не представлял, но это были низкорослые кустики с листвой красного, желтого, бордового и оранжевого цветов.

Вскоре удалось рассмотреть рельсы, проложенные вдоль рядов этих кустиков. По ним катился какой-то аппарат — мысленно Брейн назвал его «сельскохозяйственным триммером». Аппарат что-то там состригал, и это собиралось в большой сетчатый бункер.

Брейн хотел спросить Росса, что стрижет аппарат, но, покосившись на его каменную физиономию, передумал.

Вскоре дорога закончилась и они уперлись в глухие ворота в высоком металлическом заборе. Но не успел фургон притормозить, как ворота открылись, и они проехали на просторную территорию, где находилось несколько больших строений, напоминавших складские помещения, собранные из быстровозводимых конструкций.

По периметру забора стояло несколько вышек, на которых раньше, видимо, дежурили стрелки, но теперь все исполняла техника — манипуляторы, оснащенные оружием крупного калибра, и блоки с контрольным оборудованием, оцетинившимся по сторонам десятками объективов на любой вкус.

— Выходим, — сказал Росс.

Дверца перед Брейном отъехала, и он вышел наружу, вдохнув неожиданно чистый воздух с легким запахом старой пыли.

Так пахло в заброшенных домах, которые десятилетиями стояли пустыми, — Брейн помнил этот запах с детства.

Здесь воздух Брейну понравился, не то что в городе, где пахло подгоревшим молоком.

Однажды Брейн даже спросил у куратора, отчего такой запах, но тот его даже не понял.

— Это подготовительный центр, — выдавил из себя Росс, останавливаясь рядом с Брейном.

— И что?

— Ты будешь находиться здесь, пока не придет приказ, как тебя использовать дальше.

— И долго ждать приказа?

— Не думаю. Может, несколько дней. Идем.

Росс направился к входу, и Брейн последовал за ним.

Рядом с дверью была дактилоскопическая панель. Брейн приложил к ней руку, и система его опознала — в ее архиве уже находились все его данные.

Пройдя за прозрачную дверь, они оказались в широком и длинном коридоре. С одной его стороны располагались двери бесконечного количества кабинетов, в большинстве лишенных даже каких-то обозначений, либо имевшие безобидные надписи вроде — «кладовая номер пять» или «кладовая номер пять дробь четырнадцать».

С другой — имелись открытые проемы, выходявшие в просторные залы вроде рекреаций, где курсанты здешнего центра выполняли различные упражнения по физической подготовке. По мнению Брейна, ничего сложнее школьной физкультуры.

Здесь же стояли имитационные полукабинки, в которых проводилась стрелковая подготовка на виртуальных стрельбищах.

Брейн не видел, чтобы Росс с кем-то созванивался, но в какой-то момент из одного из офисов к ним вышел рослый канзас в просторном военном комбинезоне без знаков различия.

— Вот это он, — кивнул Росс на Брейна.

— Что ж, рад встрече, — сказал канзас.

— Удачи вам обоим, — буркнул Росс, развернулся и пошел прочь.

— Ну что, теперь ты мой курсант. Как твое имя?

— Томас Брейн, сэр.

— Отлично, Томас. А я инструктор Форман. Ты очень похож на недокормленного суперколвера, тебе говорили?

— Все время говорят, сэр.

Инструктор улыбнулся.

— Ну ладно, пойдем, сразу пройдемся по тренажерам, надо тебя немного прощупать. Не возражаешь?

— А что мне остается?

— С чего хочешь начать — подраться на имитаторе, пострелять, может, побегать на беговом модуляторе, а? У нас есть все.

— Для начала я хотел бы посмотреть, где я буду жить.

— Отлично. Приятно видеть практичного курсанта. Ну идем, покажу тебе твое место.

Инструктор повел Брейна по запутанным коридорам, в которых было где-то тихо, а где-то шумно. Где-то пахло медицинскими боксами, где-то кухней. В конце концов они оказались в пристройке с полукруглым арочным потолком. Инструктор толкнул одну из дверей, и они вошли в небольшое помещение с четырьмя топчанами, тумбочками и прикроватными коврикам. Под самым потолком имелось два окна, но выглянуть в них можно было, только встав на тумбочку.

— Больше соседей пока не ожидается, так что выбирай любое место. Сортир и умывалка в коридоре. Ну, нравится?

— Да, сэр. Очень даже комфортно.

— Где столовая, я тебе покажу позже, а теперь пойдем, хотя бы постреляешь.

Они направились в стрелковый имитационный тир, где Бреину выдали тяжелый и потертый пистолет-имитатор. Чувствуя на себе внимательные взгляды находившихся в тире курсантов и других инструкторов, Брейн прошел к указанной Форманом кабине.

Тот встал рядом и спросил:

— Мишень хорошо видишь?

— Да, сэр, — ответил Брейн, видя перед собой треугольник. — Куда стрелять?

— Ну, туда и стреляй.

— А поконкретнее нельзя?

Инструктор удивленно посмотрел на курсанта, но объяснил:

— Два выстрела в левый угол, два в правый и четыре в нижний.

— Спасибо, понял, — ответил Брейн и начал стрелять.

Оружие было хорошо сбалансировано, однако имитационный механизм оказался разболтанным, и внутри корпуса учебного оружия что-то дребезжало.

Выполняя упражнение, Брейн стрелял примерно в середину. Он не желал разом проявлять все свои способности, предпочитая сначала выяснить, кто такой этот инструктор Форман, что это вообще за центр и на что его «подписали».

— Ну ты какой-то криворукий, — прокомментировал его стрельбу инструктор, когда Брейн закончил упражнение. — Я же тебе говорил — по углам надо стрелять.

— Извините, сэр, система оружия незнакомая.

— Какая такая незнакомая? Это «стренфелд», его модификации и в армии, и в службах, и в тирах. Если не нравится этот, давай подберем другой, который тебе по руке. Какие системы ты хочешь попробовать?

— Сэр, у вас, наверное, есть мое досье, там должно быть написано, что я не местный и потому в ваших системах мало чего понимаю.

— Как это не местный? Ты говоришь лучше меня, это я сюда приехал с окраин, а ты шелестишь по-городскому.

И Форман покачал головой.

— Ты мне мозги запудрить хочешь, да?

— Нет, сэр.

— Почему ты стрелял в середину треугольника?

— У меня на родине стреляют в середину.

— Какой смысл стрелять в середину треугольника?

— Да нет у нас никакого треугольника, мы стреляем в круглую мишень.

— Круглая мишень? Бред какой-то, — покачал головой инструктор. — Ладно, пойдём дальше.

Они перешли в соседний зал, практически пустой, только в дальнем его конце какой-то гоберли молотил грушу и так заводился, что даже начинал выкрикивать какие-то слова. Наверное, ругался.

— Проходи вон в ту желтую кабину, — сказал инструктор, указывая на бокс с окнами, через которые были видныдвигающийся пленочный пол и манипуляторы.

— Сэр, на первый раз я не готов.

— Что значит, не готов?

— У меня лишь недавно закончился восстановительный период после ранений. Наверняка это отмечено в досье.

Инструктор покачал головой, потом указал на стену и сказал:

— Вон там аппарат для детей, пойдём посмотрим, можешь ты хотя бы просто двигаться. А то ты меня своими жалобами уже пугать начинаешь. Или под дурака косишь?

— Сэр, я стараюсь не напрягаться. Неизвестно еще, какое задание будет, может, там сэкономленное здоровье и пригодится.

— Что-то раньше ты не сильно его экономил. Я слышал, ты в каких-то боях даже участвовал, на тебя ставки делали. Не помнишь? — усмехнулся инструктор, из чего можно было сделать вывод, что досье Брейна он все же читал.

— Я же тогда упал, сэр. Без чувств свалился и шесть дней на больничке был. То еще удовольствие.

— Ладно, идем к «вшегонялке».

— Куда?

— Это тренажер простенький, просто мы так его называем. Он для самых доходяг.

И они перешли к настенному аппарату, совершенно простому, где поочередно выходили штанги с подобием боксерских перчаток. Сначала пара штанг с плечевого пояса, потом пара штанг снизу и тоже в боксерских перчатках.

Брейн старательно отбивал удары, всем своим видом показывая, что работает. Режимы переключались тут же, на настенном пульте, и инструктор попробовал все, а Брейн с честью выполнил упражнения и заулыбался, когда Форман сказал заканчивать.

— Ну, радует, что, может, ты и тормоз, но хотя бы не инвалид.

— Я нормальный, сэр, просто нужно потренироваться. За пару недель я бы пришел в хорошую форму.

Инструктор бросил на Брейна настороженный взгляд — уж не пытается ли курсант выяснить у него срок пребывания в центре? Но нет, курсант разогрелся после упражнений, его лицо порозовело, и он улыбался с простодушным видом.

— Ты такой же румяный, как суперколверы.

— Суперколверы тоже румяные после упражнений?

— Тоже. А вот мы, канзасы и гоберли, почему-то бледные.

Брейн кивнул. Он видел, что инструктор напрягся после пробного шара про две недели. С ним нужно играть потоньше.

— Я бы чего-нибудь съел, сэр. Вы обещали показать, где здесь столовая, а то меня с обеда сдернули. Когда здесь кормежка?

— С этим просто, у нас тут все индивидуально — кого-то строем водят, но ты можешь пойти и поесть когда вздумается, можешь хоть каждые два часа лопать, если это не будет мешать режиму твоих тренировок. Ну пойдём, покажу столовку.

Столовая располагалась на другом конце учебного комплекса и мало чем отличалась от столовой на летающей тюрьме. Разве что была попросторнее, столы здесь стояли поновее, и вместо надзирателей с дубинками за порядком следили дежурные из наряда.

А еще потолки были значительно выше, и имелись окна, через которые в зал попадал настоящий дневной свет.

— Сэр, что мне делать после обеда? Возвращаться в жилой блок?

— Да, сегодня можешь отдыхать.

— А можно мне походить по центру, посмотреть, чему здесь обучаются — то да се?

Заметив на лице канзаса сомнение, Брейн добавил:

— Но если нельзя — я, конечно, пойму, сэр.

— Можно, — кивнул инструктор. — Если где-то спросят — кто ты таков, назовешься и скажешь, что я твой инструктор. Этого будет достаточно. А куда не следует, тебя и так не пустят.

— Спасибо, сэр.

Форман ушел, а Брейн встал в небольшую очередь на раздачу и стал набирать на поднос еду — количество здесь не ограничивалось.

Здесь кормили теми же «палками», но качеством получше, чем в тюрьме, и похуже, чем в офицерских пайках. Насчет воды — обманули, а мусс в баллонах лежал горкой, но им никто не интересовался. Брейн взял три баллончика, примерно на литр.

Поев, он отправился на прогулку по учебному центру и, дойдя до пересечения коридоров, свернул наобум и пошел туда, откуда доносился шум.

Вдоль всего коридора тянулась череда спортивных залов, и в каждом шла напряженная работа.

Курсанты выполняли физические упражнения, стреляли на имитаторах, дрались один на один и проводили отработку групповых захватов.

Заметив скопление курсантов-гоберли, Брейн решил зайти в этот зал, но был остановлен охранником-канзасом.

— Я курсант инструктора Формана, — сказал Брейн, и охранник пропустил его.

Курсанты отрабатывали на матах простой кувырок, и занятием руководил такой же гоберли. И тут Брейн снова заметил того, кто привлек его внимание и заставил войти в зал, — да, он не ошибся, это был Фофо.

— Фофо! — позвал он.

— Томас! — воскликнул тот и бросился к Брейну с объятиями.

— Фофо, как ты тут оказался?

— Лучше не спрашивай, — отмахнулся тот. — Меня чуть не замучили с этими допросами — кому, дескать, я родину продал. Признайся, говорят, поедешь в хорошую тюрьму — в нашу ведомственную. Представляешь?

— Но ведь в показаниях ты герой, разве не так? Мы же помогли властям.

— Это ты так думаешь, а они вывернули иначе, что мы хотели этих последних офицеров грохнуть, но у нас не вышло.

— А мне никто ничего такого не выставлял, — сказал Брейн и посмотрел на инструктора, который недовольно на него косился, но продолжал командовать своими

курсантами.

— Ты — другое дело, ты почти суперколвер.

— А Сингер где?

— С Сингером я успел поговорить в предвариловке. Ему дали выбор — либо на фронт, учитывая его былые заслуги, либо иди дохаживай свои девять лет срока.

— Значит, он где-то воюет?

— Значит, — кивнул Фофо. — А ты-то на кого тут работаешь?

— Еще даже не знаю, только сегодня привезли. А вас тоже на фронт?

— А куда же еще? — Фофо грустно улыбнулся. — В расход готовят, им такого дерьма не надо. Ну, ладно, пойду я, а то наш инструктор уже все глаза об меня сломал — сегодня вечером допрашивать станет — что да как.

— Удачи, Фофо, может, еще свидимся.

— Пока, Томас.

Первую ночь на новом месте Брейн провел в жилой комнате один. Утром проснулся по общему подъему — побудочный гонг был слышен очень хорошо, а грохот от прыгавших со второго яруса кроватей курсантов заставлял вибрировать стены и навеял воспоминания, которые придали Брейну бодрости.

Выглянув в коридор, он не заметил никакого движения — в этом крыле почти никто не жил. Только из комнаты у самого выхода вышел какой-то гоберли и, оглядевшись, тоже убрался к себе.

Брейна ни к чему не обязывали, но он понимал, что нужно производить впечатление, если не умелого бойца, так уж по крайней мере исполнительного — это нравилось всем и в спецслужбах, и в армии.

Он сходил в туалет, потом умылся водозаменителем и воспользовался хорошим гигиеническим набором, чтобы почистить зубы. Оделся и отправился в столовую.

Прижимаясь к стене, он пропускал подразделения, которые направлялись на завтрак строем, а когда зашел в зал, к нему подошел канзас с унтер-офицерскими нашивками и голубыми нарукавниками, что выдавало в нем начальника наряда по пищеблоку.

Простая гражданская роба Брейна говорила о том, что он новенький курсант, однако нестандартная внешность заставляла относиться к нему иначе.

— Вы из какого подразделения? — спросил унтер.

— Я курсант инструктора Формана.

— Хорошо, пройдите вон в тот дальний угол, где столик на четыре места.

— Так, может, я сам... — начал было Брейн.

— Нет-нет, там на раздаче сейчас толчея, идите за столик, и к вам подойдут.

Брейн пожал плечами и направился в указанный угол, где на небольшом возвышении находилось этакое «солдатское кафе». И едва он сел за выбранный стол, по привычке располагаясь спиной к стене, как к нему подскочил курсант-гоберли и, улыбнувшись, поставил поднос с красиво разложенными батончиками.

— И мусс, пожалуйста, три баллона, — попросил Брейн.

— Вам какой?

— А какие бывают?

— Есть тот, что всем дают, а есть повышенной очистки.

— А воды нет?

— Ой, что вы? Нам ее даже не завозят.

— Слушай, а что ты запросишь, если я попрошу тебя все же достать мне пол-литра настоящей воды?

— У нас нет никакой воды, сэр, — покачал головой гоберли, и на его лице появился испуг.

— Деньги тебя интересуют?

— Курсантам не положено заводить счет.

— А если я принесу наличные? Сколько будет стоить пол-литра воды?

— Ну... — Гоберли огляделся, из чего следовало, что какие-то варианты для сделки у него имелись. — Два билета по два саквера.

— Ага, — кивнул Брейн. До этого он ни разу не видел наличных денег, за него платила

казна с какого-то тайного счета. Но судя по цифрам на электронном счетчике магазина, его обычный поход за едой обходился в пять сакверов, при том что он брал пятилитровый баллон дорогой воды.

Разумеется, цена была высоковата, но с другой стороны, здесь был не магазин.

— Хорошо. Где мне тебя найти?

— Если завтра придете, я еще буду в наряде.

— Договорились, — кивнул Брейн. — А теперь принеси мне очищенный мусс.

Поев, Брейн вышел из столовой и почти столкнулся с инструктором Форманом.

— Доброе утро, сэр. На завтрак?

— Нет, я уже позавтракал. Я пришел тебя встретить. Давай следуй за мной, учебное время дорого стоит.

— И какой у нас распорядок на сегодня? — спросил Брейн, догоняя быстро шагавшего Формана.

— Не у нас, а у тебя, — поправил его тот.

— Прошу прощения, сэр, какой у меня распорядок?

— Сейчас пойдем пострелять.

— Вчера уже стреляли.

— Вчера ты меня разочаровал.

— Я же сказал — оружие плохое.

— А сегодня оно будет хорошим.

— Ну а зачем все это? Хоть кто-нибудь объяснит, что за задание у меня будет?

Инструктор остановился.

— Я не знаю. У меня приказ протестировать тебя, посмотреть, какие у тебя плюсы, какие минусы. Может, что-то подтянуть, подработать, понимаешь? Так что ты меня не доставай, я не та персона, которая все знает.

И сказав это, Форман зашагал дальше.

— Сэр, а вы не могли бы дать мне четыре саквера?

— Ха! С какого это барабана, курсант? Ты свалишь отсюда, и кто мне вернет мои деньги? Да и зачем они тебе?

— Сэр, я не прошу взаймы.

— А зачем тебе? Наркотиков здесь не достать.

— Я воду хочу купить. Если будет вода, я скорее наберу форму. Вам же интересно, чтобы я получил хорошие результаты?

— Интересно, но воды здесь все равно не достать, — не останавливаясь, ответил тот.

— Вы даете мне четыре саквера, а если я не смогу купить на них воду, верну их вам. Но за эти деньги я уже сегодня порадую вас хорошими результатами в стрельбе.

— Там не только стрельба, еще будут кое-какие силовые тесты, — уточнил инструктор и снова остановился. — Знаешь что, вот покажи мне сначала хорошие результаты, а потом я дам тебе четыре саквера.

Они шли довольно долго. Брейн и не подозревал, что здесь, под крышей, так много помещений. Но наконец, пройдя через какие-то складские казематы, где было достаточно прохладно, они спустились на пару ярусов по бетонной лестнице, освещенной желтыми лампами в зарешеченных колпаках.

Инструктор толкнул еще одну дверь, и они снова оказались в теплом и просторном помещении, которое Брейн в первое мгновение принял за кегельбан — те же начищенные дорожки, отделка стен. Однако это оказался тир, а точнее настоящее подземное стрельбище, хорошо механизированное, освещенное и, судя по видневшимся вдали мишеням, протянувшееся метров на двести, а то и более.

— Ну, как тебе? — спросил инструктор.

— Я впечатлен, сэр. Никогда не видел ничего подобного.

— Проходи к ячейке номер восемь, — сказал Форман, пропуская курсанта вперед.

Всего их здесь было не менее тридцати, но только две были заняты — видимо, основная часть курсантов обходилась подготовкой на имитаторах.

Зайдя в ячейку, Брейн увидел разложенные на оружейном столе «инструменты».

Здесь было два вида китганов — облегченный и тяжелый, из которого можно было бить по бронированным целям. Далее лежал какой-то аппарат странного вида, вместо ствола — какая-то особая оптика с желтоватыми линзами. Рукояти были никелированные, и Брейн подумал, что эта штука экспериментальная.

Последней лежала крупнокалиберная винтовка более привычного вида.

— С чего начнешь? — спросил инструктор.

— С чего прикажете, сэр.

— Начни с китгана. Стрелял с такой модели?

— Я не стрелял ни с какого китгана, сэр.

— Как это? — не понял Форман.

— Очень просто. У меня на родине китганов нет.

— То есть... Совсем?

— Я видел их только пару раз, и все.

— Ну ладно. Показать, как работает, или сам разберешься?

— Как работает, я знаю, просто стрелять не приходилось, — ответил Брейн, разом вспоминая весь теоретический курс и тот китган, что лежал под стеклом в академии.

— Даже не представляю, парень, откуда тебя такого доставили, — покачал головой инструктор. — Видно, что какая-то подготовка у тебя есть, а из китгана ни разу не стрелял.

Заметно было, что ему очень хотелось расспросить Брейна о его родине, о том, как он оказался в учебном центре, однако это запрещалось, а к его услугам было только сокращенное досье, где давались весьма ограниченные сведения.

— Приступай.

Брейн взял первый китган, перевел его в боевое положение и заметил, что не работает показатель дистанции.

— Дистанцию не показывает, — сказал он.

— Определи на глаз.

Брейн взглянул на далекую мишень, где находился уже знакомый черный треугольник на белом поле.

— Треугольник, сэр?

— А ты ждал чего-то кругленького? — усмехнулся Форман. — Сообщи дистанцию.

— Полагаю, пятьдесят семь метров.

— Годится, — кивнул Форман.

В это время где-то справа ударили из китгана, но грохот был терпимый, похоже, тут было настроено акустическое шумоподавление.

Помня прежние наставления инструктора, Брейн прицелился и открыл огонь одиночными — «два-два-четыре» выстрела.

Уже опустив оружие, он еще какое-то время видел свечения от разрывов плазмы, потом положил первый китган на место и стал ждать оценки Формана, который следил за результатом через оптическую трубу на треноге.

— Ну, совсем неплохо. Я бы даже сказал хорошо, учитывая, что ты из этой штуки стрелял впервые. Переходи к лаунчеру.

«Лаунчер», — мысленно повторил Брейн. На курсе теоретической стрелковой подготовки им описывали это оружие предположительно и очень расплывчато, поскольку никто его не видел. В основном все сходились во мнении, что это гранатомет с боеприпасами какой-то большой мощности, однако теперь Брейн видел, какой он на самом деле — лаунчер.

Весило оружие больше десяти килограммов, однако прикладывалось хорошо, опираясь на плечо сверху. Внутри его что-то постукивало, а прицельным устройством служил микромонитор с функцией полуавтоматического наведения, когда полного совмещения прицела с мишенью не требовалось.

На этот раз дистанциометр работал и показывал сто восемьдесят два метра, а мишенью служил стальной квадрат примерно двадцать на двадцать сантиметров.

— С управлением разобрался? — спросил инструктор.

— Думаю, да, сэр. Экран высвечивает полную готовность. Но там квадрат.

— И что?

— Куда стрелять — снова по углам?

— По каким же углам? По углам — это когда треугольник, а когда квадрат, надо бить в середину. Если понял — можешь стрелять.

Брейн совместил метки и нажал спусковую клавишу.

В первое мгновение ему показалось, что он оглох, но затем слух вернулся, и он увидел уходящую от него огненную полосу, которая, как ему показалось, стала медленно остывать, разбиваясь на красные трассеры, которые, уменьшаясь, превращались в фиолетовые шары и, наконец, в расплывчатые облака голубоватой плазмы.

Брейн моргнул раз, другой, и наваждение исчезло.

На самом деле, разумеется, все произошло в одно мгновение, но восприятие Брейна почему-то показало ему это событие иначе.

— Что скажешь?

— Очень впечатляет, сэр, — признался Брейн, осторожно возвращая лаунчер на место.

— Переходи к следующему оружию.

— С удовольствием. А как оно называется? — спросил Брейн, беря аппарат, который он про себя назвал «лучемет».

— Не важно, как называется. Бери и разбирайся.

Брейн стал разбираться. Прицельное устройство — оптическое, предохранитель понятный. Приложившись к прицелу, Брейн снова увидел знакомый треугольник и открыл огонь.

Он ожидал услышать какой-нибудь особенный звук, однако выстрел прозвучал вполне обычно, и аппарат выбросил горячий поддон, который ударился в стенку ячейки и упал Брейну под ноги.

Закончив упражнение, он положил оружие и, подняв с пола поддон, осмотрел его. Это было похоже на поддон от обычного боеприпаса со сгорающей гильзой.

— Очень неплохо. Очень даже неплохо, — не удержался от похвалы инструктор, глядя в трубу на треноге. — Особенно учитывая, что и это оружие ты видишь впервые.

— Это да, — кивнул Брейн, все еще вертя в руках поддон.

— Брось эту железку и приступай к следующему упражнению. Как называется оружие?

— Винтовка штурмовая, — пожал плечами Брейн. — Ну, наверно, какая-то особенная, все же калибр у нее немалый. Четырнадцать миллиметров?

— Да, только калибр обыкновенный. Для кинетического оружия самый подходящий, поскольку развитие индивидуальных средств защиты в последнее время делает большие успехи.

Брейн кивнул. Прямо как в академии. Даже слова те же, правда на другом языке.

— Это винтовка «ураган» второго поколения. Калибр четырнадцать с половиной миллиметров. Магазин на десять патронов.

Брейн взял оружие — после «лучемета» оно казалось неподъемным.

— Тяжелое? — усмехнулся инструктор. — Это из-за боеприпасов. Магазин на десять патронов весит почти столько, сколько и сама винтовка.

— Утяжеленные пули? — спросил Брейн и, отсоединив магазин, хотел взглянуть на патроны, однако подача была закрыта клапаном-отсечкой.

— Ну и чего ты хотел там увидеть? — слегка удивился инструктор.

— Патроны, — пожал плечами Брейн.

— Как ты их увидишь в герметичном магазине? Ты меня не перестаешь удивлять, курсант. Из каких же краев тебя привезли сюда? Я прямо все больше этим интересуюсь.

— Нет-нет, сэр, я видел патроны в автоматах и дробовиках.

— Где ты мог такое видеть?

— В военной тюрьме.

— А... Ну, может, в тюрьме и есть такое барахло, которому лет пятьдесят, а в нормальном оружии используются герметичные магазины, снаряженные фабричным способом.

— Спасибо, сэр. Буду знать.

В этот момент из одной из соседних ячеек раздался выстрел лаунчера, и Брейн успел рассмотреть остывающую трассу заряда.

— Красиво, — сказал он, возвращая магазин на место.

— Тяжелые там не пули, а вкладки-компенсаторы. Они сделаны из материала, который в пять раз тяжелее вольфрама.

— О! А зачем такие?

— Затем, что начальная скорость пули из винтовки «ураган» — три километра в секунду.

— Ничего себе! — искренне поразился Брейн. — А зачем такая мощь?

— Я же тебе говорил — средства защиты улучшаются, поэтому нужно соответствовать.

— Да уж, — произнес Брейн, с уважением поглядывая на винтовку.

— Ну, давай, приступай. Там тебе уже мишени заменили. Справишься без оптического прицела?

— Справлюсь, — сказал Брейн, прикладываясь к оружию.

Теперь на дистанции метров в сто пятьдесят находилось пять квадратиков, которые были поменьше того, в который он стрелял из «лаунчера».

— Давай — пять мишеней и пять выстрелов. Это на высший балл.

Брейн прицелился и сделал три точных, потом промазал разок и сделал еще два точных выстрела. При этом винтовка вела себя безупречно — отдача при фантастических характеристиках винтовки оказалась едва заметной.

— Ну что же, это мне тоже понравилось, несмотря на один промах, — сказал инструктор, когда Брейн отложил винтовку. — Как же так, а?

— Незнакомая система, сэр.

— Незнакомая, — повторил инструктор с непонятной интонацией. — Ладно, пошли на следующий этап.

Они поднялись в сырые казематы и тем же путем вернулись в обитаемую часть учебного центра. Миновали череду залов-рекреаций и вскоре пришли в специализированный борцовский зал с множеством ковров, на которых одновременно происходило не менее дюжины схваток.

У Брейна даже глаза разбежались — это был солидный масштаб подготовки, при том что в здешних поединках участвовали куда более подготовленные бойцы, чем те — из открытых рекреаций.

К Брейну с Форманом подошел канзас — видимо, тоже инструктор.

— Привет, — сказал он. — Чего надо делать?

— Да вот, нашего курсанта нужно проверить, — сказал Форман.

— Вам пожестче или просто повалиться?

— Лучше, конечно, повалиться, пожестче нам не надо! — тут же попросил Брейн, но борцовский инструктор в его сторону даже не посмотрел.

— Конечно, пожестче, — сказал Форман и улыбнулся Брейну, как умел, но при его выдающихся вперед челюстях это было похоже на угрожающий оскал.

— Сэр, но они же меня могут повредить — ранить, в конце концов. Оно вам надо?

— Ничего-ничего, у коллеги Купера очень квалифицированные кадры, я не помню, чтобы здесь кого-то травмировали. Так что — готовься.

— Как готовиться?

— Ну, разомнись как-то, что ли. Попрыгай.

«Борцовский канзас» засмеялся и, отойдя в сторону, выкрикнул несколько то ли имен, то ли кличек.

К нему подошли двое гоберли, один канзас и двое суперколверов. Все ребята были битыми — с помятыми физиономиями и в шрамах.

— Ну вот, братцы, — сказал местный инструктор. — Это вам новый клиент. Работать с ним будете жестко — только не убивайте.

«Братцы» заулыбались, демонстрируя защитные капы. Здесь подходили к делу очень серьезно. Капы — были, а перчатки — нет.

Брейн вздохнул. Команда смотрела на него, как волки на барсука.

— Сэр, а какие тут правила? — спросил он инструктора-борца.

— Да какие правила? Будут убивать — кричи, тебя отпустят.

— Не дрейфь, ты парень крепкий — выдержишь, — по-своему подбодрил его Форман, и Брейн вышел на середину ковра.

— Сколько сразу на меня будут нападать? — спросил он.

Инструктор-борец посмотрел на Формана, тот пожал плечами.

— Пока один, — сказал борец. — А там — посмотрим.

Потом указал на одного из гоберли и сказал:

— Давай, Дафдан, сначала ты.

Названный им гоберли бросился на Брейна с такой скоростью, как будто успел разогнаться.

Брейн отскочил в сторону, успев зацепить нападавшего за плечо, и тот, крутанувшись пару раз, шлепнулся на бок.

Рассвирепев, гоберли тотчас вскочил, чтобы опять атаковать противника, но его остановил инструктор:

— Стоп, Дафдан, вставай на место. А ты, Бухгир, выходи на ковер.

Он обращался к канзасу, который повел шей, подышал переломанным носом и не спеша двинулся на Брейна.

У него был другой подход — он не проводил скоропалительных атак, а лишь чуть развел длинные руки, стараясь перехватить атаку противника.

Брейн не знал, что ожидать от такой тактики, поэтому провел быстрый лоу-кик — удар по ноге. Потом добавил еще два раза по тому же месту, впрочем, дозируя силу, чтобы не сломать бедняге ногу.

Канзас был крепким, и он не упал, хотя ему было очень больно.

Он осторожно присел и посмотрел на своего инструктора. Тот дал отмашку, и боец, распрямившись, прихрамывая вернулся в строй.

— Давай ты, Шрайк! — выбрал боец следующего кандидата.

Мощный суперколвер шагнул вперед и, повернув голову в сторону Брейна, казалось, не сразу смог его обнаружить.

«Носорог», — подумал Брейн.

Учитывая ошибки своих коллег, Шрайк действовал более осторожно, он заходил с одной стороны, потом быстро менял направление, делая ложные выпады, все время держа наготове быструю руку с огромным кулаком.

Поскольку это не приносило результатов — Брейн также был осторожен, Шрайк решился на длинный и сильный удар рукой в надежде, что добавит по результатам попытки.

Брейн подставил руки и свалился, сделав вид, что не совладал с такой мощью. Супер бросился добивать, но Брейн сделал ему подсечку, и тот грохнулся, как телеграфный столб, а Брейн вскочил и отошел в сторону, не делая попыток добить противника.

Инструктор-боец посмотрел на Формана, и тот сказал:

— Ладно, спасибо тебе. Мы пойдем.

Они покинули зал, и инструктор повел Брейна дальше. Тот ни о чем не спрашивал, но был готов к тому, что ему устроят еще какой-то этап. Однако они поднялись на пару этажей. По тому, как заметно улучшилась отделка стен и потолков, Брейн понял, что они в командно-административном крыле.

— Подожди у окошка, — сказал инструктор и зашел в одну из дверей без номера и таблички. А Брейн стал смотреть в окно — там имелся внутренний двор, который не был замечен снаружи. Стояли скамеечки и кустики в корзинах — кто-то прилагал усилия, чтобы облагородить это казенное место.

Тем временем его инструктор, зайдя без стука, остановился на пороге, глядя на суперколвера в штатской одежде, который сидел за пустым столом и смотрел на вошедшего. Затем, будто очнувшись, указал на стул возле стола и сказал:

— Садись.

Форман прошел и сел.

— Закончили? — спросил суперколвер.

— Да, сэр.

Суперколвер вздохнул, достал из ящика стола разграфленный таблицей лист и, положив его перед инструктором, добавил авторучку.

Тот молча заполнил графы, поставил внизу подпись и подвинул листок суперколверу.

— Почему такая неопределенность? Показатели вроде неплохие.

— У меня складывается впечатление, что он нас обманывает.

— Каким образом этот недоделанный суперколвер может нас обманывать?

— Ну, вводит в заблуждение относительно своей подготовки.

— В досье написано — участвовал в каких-то там боях. Ты же читал, чего же удивляться?

— Я даже не про это, сэр. Вот приходим мы на стрельбище, он берет оружие — знаете,

таким профессиональным хватом, прикладывается и начинает мазать — не все время, а иногда, чтобы не показаться таким уж профессионалом.

— Ну, это тебе могло показаться, работа у тебя монотонная, вот ты и выдумываешь. Я у тебя прошу конкретных ответов, а ты тут размазываешь...

— Сэр, я не размазываю — тут имеется графа «особое мнение», вот я его и оставил, свое мнение.

— С тобой всегда одно и то же, Форман. Вот то ли дело другие инструкторы — у них все — «черное» или «белое». Почему ты не можешь, как другие?

— Других вы каждый год меняете, а я здесь семь лет корячусь.

— Что есть, то есть, — согласился суперколвер и засмеялся. — Это ты правильно заметил, но скромности у тебя никакой. А потому придется тебя выкинуть отсюда — отправить на какой-нибудь действующий фронт.

Форман не ответил, эти угрозы он слышал часто.

— Ладно, все. Можешь быть свободен, — сказал суперколвер, убирая таблицу в стол. — И давай, позови сюда этого феномена, блин.

Оставив инструктора ждать у подоконника, Брейн постучал, но, не услышав приглашения, зашел в комнату и остановился, натолкнувшись на тяжелый изучающий взгляд суперколвера в хорошо подогнанном гражданском костюме — темные брюки, темный китель с воротником-стойкой и никаких галстуков.

Незнакомец выглядел серьезно и в этом кителе был похож на какого-нибудь прокурора.

— Присаживайтесь, Томас Брейн, — сказал суперколвер, и Брейн, подойдя, сел на указанный стул. — Поздравляю, Томас, вы прошли испытания.

— Спасибо, сэр.

— Полагаю, вам понятно, что на данный момент вы пребываете в статусе государственного преступника?

— Да, сэр, понимаю. Но в чем меня обвиняют — не подскажете? А то у меня с этим и в тюрьме вашей были проблемы. Не было известно не только обвинение, но даже срок. Все остальные сидельцы свои сроки знали.

Незнакомец поморщился.

— Ну зачем сейчас все это ворошить? Или ты хочешь добиться какого-то нового разбирательства, а? Амнистии, может быть? Ты здесь никто, понимаешь?

— Понимаю, сэр.

— Ну так а чего тогда?

Суперколвер отдернул рукав кителя и посмотрел на какой-то прибор на запястье, но это были не часы.

— Я предлагаю поговорить предметно. Тебя твой статус не устраивает, правильно?

— Так точно, сэр.

— Отлично. Тебе предлагается стать полноправным гражданином Империи. Как тебе такая перспектива? Греет?

— Да, сэр, греет.

— А для этого ты должен кое-что сделать для Империи, согласен?

— Разумеется, сэр.

— Ты должен выполнить некоторое задание...

— Оно мне по силам?

— Судя по тому, что ты продемонстрировал в результате испытаний, и по общей характеристике твоего инструктора, задание тебе вполне по силам. К тому же у нас есть сведения, что ты участвовал в тюрьме в каких-то там боях на деньги, значит, ты едва ли не сверхбоец.

— Сэр, я не сверхбоец, я дрался под действием каких-то мощных стимуляторов, а потому упал и шесть суток провалялся в медпункте.

— Ладно, закрыли тему, Томас Брейн. В любом случае твои кондиции в норме и ты для выполнения задания нам подходишь.

— А могу я узнать, в чем оно будет состоять?

— Ну наконец-то, — усмехнулся суперколвер. — Я уже думал, ты никогда не спросишь.

— Я спросил.

— Имеется очень важный государственный преступник, и тебе и еще группе бойцов предстоит перебросить его из одного пункта в другой пункт.

— Вопрос можно?

— Вопрос можно.

— Если государственный преступник настолько важен, почему вы поручаете эту работу другому государственному преступнику? Полагаю, остальные участники группы тоже будут какие-то преступники?

Суперколвер вздохнул. Он думал, что это формальное собеседование пройдет проще.

— Ты можешь называть меня «майор Флайт». Так наша беседа пойдет быстрее.

— Да, майор Флайт, спасибо.

— Значит, так — остальные члены группы...

— Я хотел бы сразу уточнить — сколько их будет?

— Их будет пятеро. И ты с ними. Всего — шесть.

Брейн кивнул.

— Так вот, эти пятеро будут сотрудниками спецслужб. Очень уважаемые ребята. А ты пойдешь под их присмотром.

— Длиннен ли путь? Сколько это в сутках или в километрах?

— Там будет сначала перелет в один или два этапа, а потом марш по джунглям — еще несколько суток.

— Сэр, вы сказали, что после задания мой статус поменяется.

— Да, это так.

— Кто может это гарантировать?

— Как кто? Я предоставлю тебе временный договор, мы его подпишем, и гарантии будут соблюдены.

— Но я даже не знаю, кто вы, майор Флайт.

Суперколвер немного подумал, потом достал слайдер и положил на стол.

Брейн посмотрел на динамическую картинку, в которой отражалось несколько каких-то сменяющихся символов, — видимо, здесь этого было достаточно.

Ему пришлось многозначительно кивнуть, хотя эта карточка могла быть чем угодно — даже приемником для детских мультиков.

— Убедительно?

— Да, сэр, вполне.

— Ну еще бы не был убедительным офицер контрразведки. Мы здесь знаем свое дело, — сказал майор Флайт, убирая удостоверение.

«Контрразведка», — мысленно повторил Брейн. Теперь появлялась хоть какая-то определенность.

— Вот. И уже завтра сюда приедут люди твоей группы.

— Я понял, сэр.

— Слушай, а где ты поднабрался этой военной науки? Мне тут рассказывали, как ты хорошо стреляешь, адаптируешься к незнакомым системам.

— Сэр, я много лет ездил в команде по сопровождению.

— Да? И где?

— У себя на родине.

— А где это?

Брейн вздохнул, прикидывая, как лучше рассказать, но офицер отмахнулся.

— Ладно, это потом. Что ты делал с этой командой?

— Я был командиром небольшой группы, мы сопровождали разные ценные грузы и

группы специалистов. Двигались через джунгли, преодолевали реки.

— На вас нападали?

— Нападали, сэр, только не спрашивайте кто.

— И кто же?

— Я думаю, ваши коллеги и соотечественники.

— Агенты контрразведки, что ли?

— Не так буквально, я хотел сказать, что руководящую роль исполняли суперколверы, канзасы, гоберли.

— Ах, вон ты в каком смысле, — кивнул майор Флайт. — Неожиданно, очень неожиданно. Так у тебя есть возможность и желание подставить нас?

— Про желание можно поспорить, а вот с возможностями — сложнее. Я здесь далеко от какой-либо опоры. Выход один — сходить на операцию, выполнить ее и получить какой-то законный статус — разумеется, не полноценный, я прекрасно понимаю, что с одного раза это не получится, но все же кто-то из ваших будет вынужден оценить меня выше.

— Мне нравится твой реализм, Томас Брейн. В самом деле нравится.

— Спасибо, сэр.

— Значит, мы договорились?

— Договорились, сэр.

— Тогда поступим так — ты сейчас идешь по своим делам, а в ближайшее время мы в отдельной комнате проведем знакомство с группой.

— Очень хорошо, сэр. Чем раньше, тем лучше.

— Да, это так. И прежде чем ты уйдешь, хочу вот еще о чем спросить тебя — что ты думаешь об инструкторе Формане?

— По-моему, толковый инструктор, сэр.

— То есть свою работу делает хорошо?

— Что касается меня — хорошо. Про других не знаю.

— Ну что же, — вздохнул контрразведчик. — Давай прощаться, скорее всего мы с тобой уже не увидимся.

— Должен ли я радоваться этому, сэр? — улыбнулся Брейн.

— Ой, не знаю, Брейн. Всего хорошего.

Брейн поднялся и вышел.

В коридоре у окна сиротливо стоял инструктор Форман. Увидев Брейна, он шагнул навстречу и спросил:

— Ну, как дела?

— Нормально. Я сказал, что вы хороший инструктор и вполне справляетесь со своей работой.

— Подожди, ты о чем сейчас говоришь?

— Меня спросили, тянет ли работу инструктор Форман? Я сказал, что инструктор — в порядке. На том и разошлись.

— Ты... Это ты шутишь сейчас? — спросил Форман и через плечо Брейна посмотрел на дверь, из которой тот сейчас вышел.

— Не шучу.

— Ну, знаешь. — Форман покачал головой. — Что тебе сказали делать?

— Сказали — иди занимайся своими делами. А в ближайшее время будет знакомство с командой, вот что мне сказали.

— Ну, все правильно.

— А раз все правильно и показатели хорошие, сэр, с вас четыре саквера.

— Я помню, только давай уже пойдём отсюда. — И Форман еще раз покосился на дверь, за которой сидел неподвиженный майор Флайт.

— Вот тебе твои четыре саквера, — сказал инструктор, когда они отошли, и подал два пластиковых прямоугольника, больше похожих на банковские карточки, только значительно тоньше.

— И что мне теперь делать?

— Иди отдыхай, как сказала важное начальство.

— Что-то слишком много времени мы тратим на мой отдых, а ведь, насколько я понял, времени до начала операции — в обрез.

— Согласен, но это не я решаю. А со стрельбой и физикой у тебя порядок.

Тем временем в штаб-квартире контрразведки все шло своим чередом. Заместителю начальника генералу Гофману принесли документ, в котором упоминалась предстоящая переброска судьи Роллакса на планету Эталон, правда, там он именовался «грузом».

Генерал внимательно прочитал текст и, возвращая документ, кивнул ожидавшему офицеру, сказав коротко:

— Хорошо, запускайте.

Офицер забрал документ, вложил его в папку и вышел.

Генерал Гофман знал, куда пойдет этот документ и кому он в конце концов предназначен. А офицер, составлявший документ, знал отдел, куда придет документ, но не знал его назначения.

Еще через полчаса, сменив еще несколько рук и столов, документ лег на стол некоему картографу-разработчику, который должен был участвовать в разработке маршрутов в предстоящей операции.

Быстро пробежав глазами текст, он сел ровнее, покосившись на двух коллег, работавших за соседними столами. Потом положил документ в папку, папку положил в стопку и убрал все это в личный сейф.

— Никому ничего не нужно в «Четвертый филиал» отправить? — спросил он.

— Ты в «четвертый» собрался? — оторвавшись от бумаг, спросил канзас.

— Да, набралось уже корреспонденции...

— Мне не нужно, я сейчас хвосты по «два-двенадцать» подправляю, тут еще столько переделки...

Канзас сделал страдальческую физиономию и покачал головой. Суперколвер-картограф посмотрел на него критически и наверняка сравнил бы в этот момент с собакой, если бы здесь водились собаки, но о них здесь даже не слышали.

— А ты, Голлан? — спросил картограф у другого коллеги.

— У меня тоже запарка, — отмахнулся второй канзас. — Хотя тармарджос я бы скушал.

Но в другой раз.

— Скушаю его за тебя, — сказал картограф и поднялся. После чего сложил корреспонденцию в пакет, заклеил его и опечатал. Взял фуражку, одернул китель и пешком по лестнице спустился на первый этаж.

Подойдя к дежурному, он спросил, нет ли корреспонденции в «Четвертый филиал», куда он направлялся.

— Одну минуту, господин майор, сейчас посмотрю, — сказал дежурный и, отлучившись ненадолго, вернулся и положил на стол два пакета.

— Я их заберу, я как раз туда еду.

Дежурный достал еще один упаковочный мешок, куда они сложили всю корреспонденцию, потом дежурный опечатал мешок, а майор, под наблюдением нескольких камер, поставил в журнале регистрации подпись о том, что принял секретную почту, и, миновав четыре контрольных охранных поста, вышел из здания.

Во внутреннем дворе дежурило несколько такси-роботов, и, сев в одно из них, майор назвал нужный адрес.

Пользование ведомственным такси было весьма удобно. Из-за того, что адрес произносился вслух, а перемещение машины фиксировалось секретчиками службы внутренней безопасности, можно было не бояться «хвостов» — в них не было необходимости.

Примерно за полчаса автомобиль доставил майора до здания «Четвертого филиала», где тот сдал секретную почту и, выйдя на улицу, постоял на пороге неприметного здания, поглядывая по сторонам. Затем поправил фуражку и направился в расположенное неподалеку заведение, принадлежавшее к модной в последние время сети «Натуральные продукты».

Там подавали еду, выращенную методом открытой биологии, то есть на грунте, и приготовленную старыми способами — например, на открытом огне.

Майор не скрывал своего пристрастия к подобной еде, и об этом знали на службе, о чем была внесена соответствующая отметка в его личном деле.

Стоило это удовольствие недешево. Еда была, по местным меркам, невкусной из-за отсутствия в ней так любимого набора из тридцати самых популярных пищевых добавок.

В ресторане майора знали, и, едва он вошел и сел за любимый столик, к нему подскочил сотрудник и поздоровался:

— Здравствуйте, господин Линермай, мы очень рады снова видеть вас.

— И я рад возможности заскочить к вам, дорогой Буан, — ответил майор и, сняв фуражку, положил ее на соседний стул. — Какой нынче тамарджос?

— О, тамарджос самый лучший, из-за реки — ваш любимый сорт.

— Что ж, приготовь мне порцию, хотя нет, давай полторы, мой товарищ не смог прийти, и я обещал немного съесть за него.

Они посмеялись, и служитель побежал на кухню. С гоберли Буаном у майора были хорошие отношения. Тот раньше служил в пехоте, а майор ходил в форме пехотного офицера — никто из его сослуживцев причастность к конторе не афишировал.

Посидев еще минуту, он поднялся и отправился в туалет — ну чего сидеть сиднем в ожидании заказа?

Запершись в кабинке, майор достал пластиковый билет в два саквера и тончайший фломастер, заправленный специальным составом, оставлявшим едва заметные следы.

Еще немного помедлив и собравшись с мыслями, майор начал быстро наносить на

пластиковый билет значки двумерной скорописи.

Донесение заняло почти всю площадь билета, и ушло на это чуть более трех минут. После этого Линермай смыл фломастер в унитаз, а билет подсунул в щель между двумя отделочными плитками на стене.

Затем сполоснул руки теплым водозаменителем и вернулся к своему столику.

Пока он отсутствовал, служитель поставил ему на столик тарелку с тонко нарезанными овощами из набора новинок, которые все время появлялись в сети ресторанов «Натуральные продукты» и подавались постоянным клиентам на пробу.

Особым шиком считалось кушать их без всяких вкусовых добавок, но вынести такое мог не каждый, поэтому и в этот раз рядом с тарелкой появилась панелька с тридцатью ячейками, в которой находился набор особенно популярных химических соединений.

С ними кушать овощи было проще, и, делая это, Линермай всякий раз удивлялся, как их предки могли питаться такими странными вещами.

Вскоре принесли заказанный тамарджос, и Линермай продолжил спектакль. Не переставая жевать, он кивал и улыбался, демонстрировал тем самым восхищение продуктом.

Закончив с едой, майор расплатился, оставив щедрые чаевые, и, покинув ресторан, облегченно вздохнул.

Немного постоял, наблюдая, как проскакивают по проезжей части однообразные автомобили. Затем прошел вдоль улицы метров пятьдесят и по подземному переходу вышел на другую сторону, почти к самым дверям магазинчика, торговавшего высушенными штаммами ароматических бактерий.

Этот товар продавался в виде разноцветных пластинок и пользовался некоторой популярностью. Он не только издавал ароматы, но и мог поглощать неприятные запахи, и тогда пластинки темнели, пока не становились черными.

Издавая же ароматы, они только со временем бледнели.

Далеко запахи не растекались, поэтому можно было разложить разные пластинки по углам комнаты, и жильцы в каждой зоне жилья имели совершенно разное ароматическое сопровождение.

Линермай слышал, что разводили этих бактерий в каких-то теплых бассейнах, где-то в далеких колониальных владениях, но плохо себе это представлял. Однако удивляться таким обычаям колоний он не спешил, ведь в Метрополии было известно, что в некоторых варварских мирах имело место пристрастие к разного рода ароматическим жидкостям, которые изготавливали из растительных масел и душистых порошков.

В магазинчике майор прошелся вдоль витрины, ткнул пальцем в первый попавшийся набор пластинок и, понюхав пробник через небольшое отверстие в демонстрационном боксе, получил товар, расплатился и ушел.

— Вот уж не думал, что военные интересуются ароматами, — заметил помощник продавца — молодой гоберли, который видел этого военного впервые.

— Возможно, он купил их в подарок, — сказал старший гоберли, владевший магазинчиком. — Ты вот что, постой за прилавком, а я схожу — травки покушаю...

— Да как вы можете есть это безвкусное сено, достопочтенный Шрандель?

— Сено или нет, а для здоровья полезно. А ты, пока молодой, лопай свою химию, — сказал старший гоберли, вышел из магазинчика и, перейдя улицу по подземному переходу, зашел в ресторан «Натуральные продукты».

Там он заказал водоросли пугу — длинные и мучнистые, которые приготавливались с шафрановой пудрой.

Пока готовили заказ, отправился в туалет и, заперев дверь, безошибочно подошел к тому

месту, где отошедшая плитка образовывала щель.

Достав иголочку, гоберли подцепил пластиковый билет в два саквера и, понюхав его, своим тренированным обонянием сразу определил, что на билет наносилась невидимая краска.

Смешав этот денежный билет с другими денежными билетами, находившимися в его кармане, он спустил водозаменитель в унитаз и вышел.

А когда отобедал любимыми водорослями, вернулся в свой магазин.

Однако это не укрылось от глаз наблюдателя, который дежурил у окна одного из ближайших зданий.

Когда торговец зашел в магазин, сотрудник отдела внутренней безопасности контрразведки связался со своим начальством и доложил, что передача состоялась. А через пару минут эта информация уже легла на стол замначальника контрразведки генерала Гофмана, и он сказал:

— Ну что ж, операция началась.

Придя утром на завтрак, Брейн занял тот же столик, и к нему сейчас же выскочил его вчерашний знакомый гоберли из наряда.

— Ваш завтрак, сэр, — сказал он, ставя перед ним поднос с питательными батончиками. — Что-нибудь еще?

— Да, знаешь, я, пожалуй, закажу воды, — и приподняв ладонь, Брейн продемонстрировал два билета по два саквера.

— Вы сказали — воды?

— Да, пол-литра.

Дежурный набросил на деньги салфетку и, сделав вид, что протирает стол, сдернул билеты и убежал на кухню, а Брейн занялся завтраком.

Минуты через три гоберли вернулся и положил перед заказчиком два баллона из-под мусса.

— Это мусс? — уточнил Брейн.

— Разумеется, сэр. Попробуйте.

Брейн попробовал. Это оказалась вода. Он улыбнулся.

— Здесь даже больше, чем пол-литра, сэр. Это подарок от нас. Если понадобится еще — обращайтесь.

После завтрака довольный и сытый Брейн вышел из столовой и снова столкнулся с инструктором Форманом.

— Позавтракал? — спросил тот.

— Да, спасибо.

— А что тащишь с собой?

— Воду. Я ж вам говорил — мне деньги на воду нужны.

— А ты пробовал? Это же баллоны из-под мусса, тебе могли впарить подделку.

— Да, я пробовал — вон сколько отпил, это действительно вода.

— Но у нас здесь не может быть воды, откуда ее могли взять?

— Например, из химлаборатории. Здесь есть химлаборатория?

— Наверняка имеется.

— Вот и ответ на вопрос.

— Ладно, пойдем скорее, у нас дело срочное, — сказал инструктор и, развернувшись, зашагал по коридору.

— Какое срочное? — поспешил за ним Брейн.

— Команда твоя приехала, ты уже забыл, что ли?

— Нет, такое я не забываю. И много их?

— Как и обещали — пятеро.

На этот раз идти на далекие административные этажи не пришлось. Инструктор толкнул какую-то малозаметную дверь, за которой оказалась каптерка — типичный склад нового, старого, слегка поношенного и изорванного в хлам обмундирования.

Полки — до потолка, ящики, тюки, коробки.

Брейн даже заметил в углу парочку игровых мячей и связку скакалок.

Там же, на расставленных вдоль шкафов столах, сидели, свесив ноги, пятеро бойцов в поношенных войсковых комбинезонах без знаков различия.

Два гоберли, два суперколвера и один канзас.

— Господа! — громко произнес инструктор Форман, и бойцы, соскочив со столов, выстроились в шеренгу.

— Ну вот, познакомься со своим подразделением, которым в этой операции ты и будешь командовать.

— Я??! Командовать?! — поразился Брейн, при том что бойцов эта новость не удивила.

— Да, именно ты, учитывая, что у тебя, — тут инструктор посмотрел на бойцов, — был уже богатый опыт проведения подобных операций в джунглях, поэтому командование решило, что ты потянешь такую же операцию и в этот раз. Или командование в тебе ошиблось, Томас Брейн?

— Нет, сэр, не ошиблось, но это очень неожиданно для меня.

— Значит, вопрос закрыт. Познакомься с бойцами. Тут же в соседнем помещении можно подобрать любое обмундирование и прикинуть вооружение. Разумеется, тащить оружие отсюда мы не будем, просто чтобы определиться, приложиться и понять, чего нужно указывать в листах заказа. Все понятно?

— Мне понятно, — сказал Брейн.

— У вас, бойцы, есть вопросы?

Бойцы переглянулись, но вопросов не задали.

— Вот и отлично. У вас полчаса на примерки, а я пока отлучусь по своим делам.

Инструктор Форман ушел, а Брейн еще раз взглянул на подразделение и сказал:

— Давайте знакомиться. Я — Томас Брейн, у меня, на взгляд местных, непривычная внешность, некоторые называют «недокормленным суперколвером».

Суперколверы засмеялись, канзас только улыбнулся, а гоберли вообще пропустили эту шутку.

— Давайте теперь вы назовите себя. Начнем с тебя, — сказал Брейн, указав на крайнего гоберли.

— Я — Таурос.

— Как у тебя с оружием, Таурос? Какие предпочтения?

— Всего помаленьку, сэр. Жаловаться не на что.

— Как с физподготовкой?

— Тоже порядок — не кашляю. Могу долго бегать.

— Отлично, Таурос. Теперь ты, — указал Брейн на следующего гоберли.

— Меня зовут Лиам. Люблю мощные пистолеты, бегаю хорошо и долго.

— Замечательно, Лиам. Теперь твоя очередь. — Брейн кивнул канзасу.

— Меня зовут Янгверд, я все могу. Люблю подраться, ножи хорошо бросаю.

— Ножи очень любишь?

— Да, холодное оружие — это мое предпочтение.

— Неплохо. Винтовку тяжелую потянешь?

— «Ураган», что ли?

— Например, «ураган».

— Прикажете — потяну, сэр. Вы командир.

— Это понятно, но мне важно, чтобы тебя это не угнетало.

— Не беспокойтесь, сэр. С этим будет порядок.

— Значит, договорились — за тобой винтовка «ураган». Ну а теперь твоя очередь, — сказал Брейн, обращаясь к суперколверу и глядя на него снизу вверх.

— Я Дино Арбакан.

— Чем ты известен, Дино Арбакан?

— Я могу кулаком пробить старую кладку в два кирпича.

— Очень полезный навык. Еще что?

— Могу под водой семь минут сидеть без всяких приспособлений.

— А если плыть?

— Если плыть, то пять с половиной.

— Хорошо. Часто воду видел?

— Я вырос на Мальбруке, это материк на севере Дана двенадцать. У нас там полно воды, она повсюду. Мы пьем воду, и никто еще не отравился, а здесь думают, что вода опасна.

— Ну а ты чем похвастаешь? — спросил Брейн, переходя к самому рослому суперколверу.

— Меня зовут Дынер, и я единственный из всех имею офицерское звание — я лейтенант.

— Здорово. А я был всего лишь сержантом.

— Вообще-то я думал, что командиром группы поставят меня.

— Такое бывает, Дынер, надеешься на одно, а получаешь другое. Однако, если у тебя будут какие-то ценные советы или соображения — милости просим. У меня в подразделении все имели право голоса, и случилось, что мы благодаря этому обходились малой кровью. Ты не против такой схемы?

— Нет, сэр, не против, — ответил Дынер, но его поза, вздернутый подбородок и надменный взгляд свысока выдавали в нем категорическое несогласие с таким положением вещей.

— Дынер, ты как, потянешь пулемет?

— Я вообще-то в разведке хорош и еще могу брать языков.

— Понятно. Дино, возьмешь пулемет?

— Не вопрос, командир.

— Все, решили. Значит, ты, Дынер, у нас разведка и берешь языков, если нужно. Дино — пулемет и, я так понял, — водные преграды.

— Да, — улыбнулся суперколвер.

— Янгверд — тяжелая винтовка и холодное оружие. А вы, ребята, — обратился Брейн к двоим гоберли, — будете у нас легкие пехотинцы широкого профиля. Вы хорошо бегаєте, значит, должны быть готовы к быстрым фланговым проходам, отходу в арьергард и быстрому переходу в авангардный бой. Думаю, не сказал вам ничего нового, да, Таурос?

— Да, сэр, мы в теме.

— Мы давно в этой теме, — подтвердил Лиам.

— Господин командующий, а вы в самом деле думаете, что нам предстоят какие-то бои? — спросил суперколвер-лейтенант.

— Надеюсь, что мы проскочим чисто, но на тот случай, если не получится, я хочу быть уверен, что у нас будет полное взаимопонимание. В силу каких-то неизвестных мне причин нам дают очень мало времени отладить группу, значит, наше взаимодействие должно сложиться хотя бы теоретически.

Через полчаса Брейн вышел из подсобки и увидел ожидавшего в коридоре Формана.

Он подошел к инструктору и сказал:

— Слушай, мне необходимо срочно встретиться с этим майором Флайтом.

— Кто тебе нужен?

— Мне нужен тот офицер из контрразведки, который был вчера.

— А откуда ты знаешь, что он из контрразведки? — поразился инструктор.

— Потому, что он мне показывал свое удостоверение.

— Он предъявлял тебе панфир?

— Да, предъявлял мне панфир, — подтвердил Брейн, предполагая, что это и есть та самая карточка, которую он видел. — И там черным по белому было написано, что он такой-то такой и служит в контрразведке.

— Ты... Ты разбираешься в панфирах? — снова переспросил Форман, удивленный такими новостями.

— Слушай, я не был бы здесь, если бы в них не разбирался, — уверенно возразил Брейн. Ему сейчас требовалось быть убедительным.

— И ты думаешь, он сейчас здесь?

— Да стопудово здесь, если он вчера меня окучивал насчет операции и сегодня пригнал бойцов на просмотр.

— Хорошо, если я его найду, что я ему должен сказать?

— Скажи, что у меня есть ряд требований, которые должны быть выполнены перед началом операции. Мы ведь находимся в цейтноте, я полагаю, у нас на все осталось всего два дня. Я угадал?

Инструктор отвел взгляд, и Брейн усмехнулся.

— Вот о чем и речь, приятель. Поэтому я должен провести какие-то тесты, а на подготовку времени нет — и это понятно. Но хотя бы тесты провести нужно, чтобы я мог знать, чего ожидать от этих бойцов.

— Но майор Флайт обещал, что они будут в порядке.

— Наплевать, что обещал этот майор, я сам могу наобещать тебе вдвое больше, а мне с ними, возможно, в бой идти через два дня.

— Хорошо, я сейчас же с ним свяжусь и сообщу тебе.

Инструктор зашел за ближайший угол и там со стационарного телефона на стене быстро переговорил с контрразведчиком, поскольку прекрасно знал, где он находится.

Вскоре Форман вернулся к Брейну и сказал:

— Он немного недоволен, конечно. Работы, говорит полно, но через полчаса подойдет на административную платформу — это там, где бухгалтерия, дебет, кредит и складские жучки.

— Понятно. А что с этими ребятами делать?

— А что с ними делать?

— У них есть место, где жить?

— Да, разумеется. В том же крыле, что и ты, поселились.

— Ну, пусть пока идут туда и отдыхают, а я поговорю с Флайтом и сразу к ним. Все, я побежал в хозяйственную часть.

— Давай, — кивнул Форман, понимая, что теперь Томас Брейн уже не является его курсантом, а скорее — начальником.

Между тем Брейн не сразу нашел нужно место. Пришлось спросить у какого-то инструктора дорогу, и к тому времени, как он приоткрыл дверь в расчетную хозчасть, майор Флайт уже сидел там, в уголке за столом, и что-то отмечал в своей неизменной папке.

— Сэр! — позвал Брейн и, когда тот поднял голову, показал жестом, что нужно выйти.

Контрразведчик не спеша закрыл папку, убрал ручку и, сказав что-то одному из клерков, вышел к Брейну.

— Сэр, мне сообщили, что у нас только два дня, — сказал он.

— А кто вам сказал?

— Выяснил по собственным каналам.

— Ну, допустим. И что дальше?

— Я познакомился с личным составом своей группы. Я распределил между ними обязанности, оружие. Теперь мне нужно проверить их в деле.

— Что значит в деле?

— Мне нужен отдельный зал, но площадка на улице была бы предпочтительнее. Далее мне нужно получить все выбранное нами оружие, и мы должны опробовать его в том большом тире, что находится в подвале.

— Но что вам даст десяток выстрелов?

— Я хочу видеть, как они держат оружие, какие у них при этом взгляды — а вдруг они зажмуриваются?

— Ну, скажете тоже!

— Увы, сэр, и такое бывает. Если меня ждут какие-то неприятные сюрпризы, я хочу узнать о них заранее, понимаете меня?

Флайт помассировал шею. Напор Брейна слегка озадачил его, и он тщательно взвешивал то, что предстоит сказать, ведь лишнего сказать было нельзя, а ничего не говорить — просто невозможно.

— Ну, хорошо... Оружие на складах в наличии, лист вы заполнили, значит, в пределах часа все будет доставлено на стрельбищный объект — там у нас есть специальный туннель. Так что через час можете туда спускаться. Но я не понимаю одного, Томас Брейн, вы что, за эти два дня хотите чему-то их обучить или переобучить? Это ведь все действующие агенты и оперативники, их учить — только портить.

— Сэр, переобучить нельзя, но сначала я посмотрю, как они обращаются с оружием, потом мне нужен будет зал или площадка на улице, где они у меня побегают с оружием в руках, а я посмотрю, как они слышат команды на перемещение. Таким образом, я получу примерное представление о том, какой рисунок будет в бою и кого куда направлять.

— Да вы, Томас Брейн, подходите к делу со всей серьезностью и по военной науке, — заметил Флайт и засмеялся, однако его взгляд оставался напряженным.

— Но я же говорил, что несколько лет ходил с конвоями, сэр. Обстоятельства заставляли относиться к этому серьезно.

— Да-да, теперь я начинаю в это верить, — кивнул Флайт и вспомнил, как утром говорил с начальником, который сказал ему:

— То, что нам удалось подцепить такую «яркую звезду» в виде этого варвара, майор, очень хорошо. Он пришелся к месту и весьма кстати украсит легенду предстоящей операции и обязательно привлечет к ней внимание противника.

Это было утром, а теперь все выглядело несколько иначе — варвар мог оказаться не просто «медийной звездой» — приманкой для противника, а эдаким живчиком, новым мотором, который сможет и ржавое корыто заставить нестись, как глиссер. Этот поворот предстояло обдумать и своевременно предоставить начальству соображения, а то потом скажут — ты недосмотрел, ты был куратором. А он и не куратор вовсе, он лицо, надзирающее за учебным центром. Но слушать никто не станет — сделают организационные выводы, и точка.

— Весьма кстати... — задумчиво произнес Флайт.

— Что, сэр?

Мимо прошел взвод курсантов, и Брейн с Флайтом пришлось посторониться.

— Я говорю — приходите через час на стрельбище. И по площадке мы тоже решим, — сказал Флайт и, повернувшись, пошел к себе, чтобы сделать необходимые распоряжения.

— Задумайтесь, майор Флайт, разве, будучи на стороне врага, вы бы не попались на эту удочку? — продолжил вспоминать Флайт, утреннюю речь своего начальника. — Мы невесть откуда выписали какого-то крутого специалиста — варвара!

Тут начальник даже пальцем потряс, акцентируя внимание на факте.

— И даже не из колоний и не с разведанных площадей, а вообще неизвестно откуда. И если его тащили так издалека — это же неспроста? И уж теперь-то, майор, противник на сто процентов будет уверен в том, что мы запускаем серьезную операцию. Ну разве вы не попались бы, будь вы врагом?

Через указанный час и даже чуть раньше ожидавшей в подземном стрельбище команде сообщили, что все оружие доставлено и можно приступать к упражнениям.

К услугам Брейна и его команды было три опытных инструктора по стрельбе — два гоберли и один канзас.

Брейн прикрепил своих гоберли к инструктору-канзасу и попросил его проверить, как эти ребята стреляют из всех видов оружия.

— Сэр, если хотите, мы их прокатаем даже на бросковом секторе — это там дальше, — махнул рукой канзас.

— Это будет очень кстати. Пусть хотя бы раз по пять бросят учебные гранаты.

Канзас увел Таураса с Лиамом, и Брейн обратился к инструкторам-гоберли:

— Так, ребята, кто из вас работает с тяжелыми винтовками?

— Я, — сказал один из них.

— Заберите нашего красавца. — Брейн указал на канзаса Янгверда. — И пусть отстреляет патронов пятьдесят. Мне нужно знать, как он стреляет по неподвижным и движущимся мишеням. И еще — есть у вас стенд для метания ножей?

— Разумеется, сэр. И не стенд, а целая площадка.

— Вот пусть он там побросает в свое удовольствие, после того как отстреляется.

Канзас с инструктором ушли, и Брейн сказал оставшемуся гоберли, указывая на рослых суперколверов:

— Тебе достались эти двое. Вот этот у нас — пулеметчик, а этому, — Брейн посмотрел на лейтенанта, — этому — общестрелковая подготовка.

— Понятно, а какой пулемет интересует?

— Я не специалист в местных инструментах, нужно что-то скорострельное, достаточно легкое, чтобы наш боец мог бегать с инструментом и двумя тысячами патронов. Мы там кое-что подобрали, но, может, вы чего получше посоветуете.

— Хорошо, подберем и посоветуем. Идем, курсанты.

Услышав последнюю фразу, лейтенант-суперколвер закатил глаза, показывая, насколько он поражен таким обращением.

Инструктор заметил это, и они с Брейнм понимающе переглянулись.

— Вот что, Дынер, оставайся, ты пойдешь со мной. Уверен, что ты неплохо стреляешь, поэтому поупражняемся вместе. Ты не против?

— Как скажете, командир.

— Можешь говорить мне «ты», все же я всего лишь сержант, а ты целый офицер.

— Я учту это, сэр.

И они направились к одной из свободных ячеек, где Брейн приметил уже заготовленный набор пистолетов разных калибров и систем. Тут же находился пульт управления мишенями.

— Я плохо понимаю в этих регулировках, но думаю, ты в этом разбираешься.

— Ну, разумеется.

— Какой твой максимальный рекорд?

— Вы имеете в виду стрельбу из пистолета?

— Да.

— Ну, если выбрать этот «конго»... — Дынер взял пистолет, который, по мнению

Брейна, выглядел, как типичная ходовая «девятка». — Из него, если на пятьдесят метров, то двадцать-четыренадцать-восемьдесят семь с треугольника.

Брейну это ни о чем не говорило, но признаваться в этом было нельзя — не тот случай.

— Знаешь что, результат неплох, но я предлагаю что-нибудь неожиданное.

— Например?

— Круг в виде мишени найдется?

— В стандарте круга нет, но я могу задать его регулировками, — и Дынер указал на ту часть пульта, где можно было создавать мишени любой конфигурации.

— Отлично, создавай круг черного цвета, диаметром двадцать сантиметров. Сможешь сделать?

— Минуточку... — сказал лейтенант и стал колдовать с настройками. Вскоре он показал результат на небольшом экране.

— Такой сгодится?

— Вполне.

— Запускаю на исполнение...

Он нажал какую-то кнопку, и где-то там впереди, в скрытых на потолке механизмах, начал выполняться заказ на нестандартную мишень.

— Какая дистанция?

— А какую ты предпочитаешь? Те же пятьдесят метров подойдут?

— Подойдут. А мы будем стрелять по краям?

— Нет, прямо в центр.

— Тогда я и восемьдесят метров осилю.

— Отлично, пусть будет восемьдесят.

Лейтенант ввел нужные данные, и на заданной дистанции появился черный круг на белом фоне, подсвеченный фоновым освещением сверху.

— Ну все, давай, ты первый.

— А какие правила?

— Делаешь десять выстрелов в самый центр. Потом я делаю десять выстрелов в центр.

— И как считать, кто выиграл?

— Чьи пули лягут ближе к центру, тот и выиграл.

— Странные правила, честное слово. Круглая мишень, стрельба в центр — я о таком никогда не слышал.

— Вот потому я это и выбрал, чтобы было неожиданно, чтобы никаких наработок и домашних заготовок. Понимаешь?

— Ну я согласен, — сказал Дынер. Видно было, что его это соревнование заинтересовало.

Дослав патрон нажатием кнопки, он поднял оружие и стал стрелять — четко и размеренно, как какая-нибудь машина.

После того как лейтенант отстрелялся, они поочередно посмотрели в оптическую трубу.

— Я дал бы тебе восемьдесят очков из ста.

— Сколько?

— Ну, хорошо — восемьдесят два, учитывая, что мишень была для тебя новой.

— Хорошо, я соглашусь на восемьдесят два.

— Тогда давай новую мишень, а эту сохранить можно?

— Разумеется. Так-то она пойдет на переработку, но в архиве останутся ее показатели.

— Ладно. Давай мне мою мишень.

Дынер запросил повторить мишень и отослал ее на восемьдесят метров. Брейн взял «конго», сменил магазин и, прицелившись, сделал выстрел. Ощутил отдачу и поудобнее перехватил рукоять.

Он чувствовал себя не очень хорошо — в брюхе бурчало, побаливали нога и бок, который прошило вольфрамовой картечью.

Тем не менее он почувствовал, что остальные девять выстрелов легли как надо, и, опустив пистолет, кивнул Дынеру, чтобы тот посмотрел результаты.

Дынер прильнул к окуляру, долго смотрел и, повернувшись к Брейну, сказал:

— Думаю, там все девяносто четыре. Вы выиграли, сэр.

Брейн полагал, что они после этого дружеского состязания растопят ледяную стену, но по глазам Дынера понял, что ошибался. Результаты стрельбы сделали лейтенанта еще большим неприятелем командира группы.

Между тем канзас Янгверд, удачно отстрелявшись из тяжелой винтовки «ураган», наслаждался метанием ножей и дротиков по разнообразным мишеням. Когда все закончилось, он, довольный, прибежал к Брейну.

— Вы не представляете, сэр, какое удовольствие я получил! Я в жизни не видел такой оснащенной площадки. Там было восемнадцать видов ножей и дротиков, а я до сих пор знал только шесть. Представляете?

— Я очень рад, Янгверд, что тебе понравилось, но больше меня интересует, что скажет твой инструктор.

— У него приличные показатели, сэр, — сказал инструктор. — Что касается винтовки — материальную часть знает, стреляет быстро и метко.

Подошел инструктор-канзас и привел двоих гоберли. Они тоже оказались опытными и ловкими стрелками, не наделали ошибок и произвели на него хорошее впечатление.

Ну и наконец, вернулся суперколвер Дино, которого Брейн назначил пулеметчиком. Уже по тому, как светилось его лицо и какой широкой была улыбка, можно было понять, что и у него все получилось.

— Толковый парень, сэр. Сказал мне, что с пулеметом раньше только знакомился, — пояснил инструктор-гоберли. — Но все ошибки, какие допускал, исправлял сразу и уже не повторял. Повезет командиру, с которым он будет работать.

— Я в этом уверен, — сказал Брейн.

— Да и мы его проверили на динамометре — он может бежать с боезапасом в шесть тысяч патронов.

— Замечательно, лучше, чем я предполагал.

Покосившись на стоявшего чуть в стороне Дынера, Брейн заметил, как болезненно тот воспринимал похвалы инструкторов в адрес остальных бойцов.

После занятий группа отправилась на обед. Брейн сказал, чтобы после еды все шли в комнату на короткий отдых, а сам, едва перекусив, побежал искать инструктора Формана, чтобы через него достать контрразведчика.

— Что у вас еще, Брейн? — спросил тот, когда они снова встретились возле хозчасти.

— Мне нужна площадка — я вам говорил.

— С этим я уже решил, могли бы спросить у инструктора Формана.

— И еще, сэр, мне нужен полный картографический массив, со всеми путями, трассами, запасными маршрутами — словом, все, что нам может пригодиться и даже не может пригодиться.

— То есть...

— Не только пути следования, но и трубопроводы, заправки, электрические линии.

— Ну, хорошо, расширим массив данных.

— Помимо пункта отправления и прибытия, нужны все промежуточные пункты и все расписания всех видов транспорта во все районах, где мы будем двигаться.

— Но там джунгли, там все весьма однозначно.

— Джунгли — это на суше, сэр, а мы ведь еще будем двигаться по коммерческим трассам в космосе.

— А, то есть перекладные и перегрузочные станции тоже? — сыграл догадку майор,

еще больше убеждаясь в том, что этот варвар слишком умен, опытен и подготовлен. Да, полковник что-то упоминал о многократной страховке, но что-то подсказывало майору Флайту, что этот варвар догадывается об их намерениях.

— Да, сэр. И еще наличные деньги. В случае чрезвычайных ситуаций придется пользоваться наличными — карты работают не везде.

— Деньги будут. Несколько тысяч сакверов вам будут выделены.

— И еще — сам пациент. Как мы его потащим — сам он пойдет или это будут какие-то носилки с системой жизнеобеспечения? Он молод или стар? Какое у него физическое состояние?

— Он обычный. Возраст около пятидесяти.

— То есть двадцать пять километров в день он делать не сможет.

— Нет, это слишком много. Полагаю, десять километров в день — это максимум, на что можно рассчитывать. Но вам на маршруте не придется водить его, все рассчитано по пунктам, а через джунгли, я напоминаю, вы поедете на бронемашине.

— А можно узнать, почему нельзя доставить нас по воздуху до самого конечного пункта?

— Доставить можно, но это слишком опасная трасса. Самое простое — это сбить транспорт с земли, если противник узнает о вашей экспедиции. Воздушный транспорт нуждается в определенной архитектуре, связи, которую просто засечь, а бронированный грузовик в джунглях практически неуязвим, понимаете?

Брейн кивнул. Примерно так он себе это и представлял. Нет, не реальную обстановку, а объяснения, которые получит.

— Я так понял, обувь и обмундирование вы подобрали.

— Да, сэр, но нам навязывают обычную робу «рем три», а нам нужна специальная тропическая «акация» второй модификации.

— Это которая устойчивая к повреждениям и укусам всяких там гнусов и змей?

— Так точно, сэр. Устойчивая к повреждениям и с обратной гигроскопичностью.

— Хорошо. Заменить на «акацию два». А как насчет защиты посерьезнее?

— В слабой броне нет смысла. Тяжелую мы не потянем на маршруте, так что обойдемся без бронежилетов, а вот если бы они были в броневики — это бы нам не помешало.

— Это можно решить, время еще есть.

— Было бы замечательно, сэр. И еще, вместо тяжелых шлемов возьмем тропические каски. И еще — пропуска, документы, все, что требуется для взаимодействия со спецслужбами, армией, флотом, полицией.

— Вам будут выданы вездеходы спецвыпуска. С ними вам везде будут обязаны оказывать помощь по предъявлении документа и его регистрации.

— И еще, сэр, завтра нам нужен картографический класс, где мы могли бы по ускоренной методике изучать маршрутные данные. Мои ребята должны знать всю прилегающую местность как свой родной дом. Ориентироваться как на местности, так и с воздуха.

Поскольку Брейн знал, что значит скакать на полный желудок, он дал своим бойцам час на послеобеденный отдых, а потом вывел на площадку, которую им предоставили в одном из внутренних дворов учебного комплекса — подальше от посторонних глаз.

[Купить полную версию книги](#)